

СТАТЬИ из «REVOLUTIONS de PARIS» (1790-1792)

По изданию:

С.Марешаль. Избранные атеистические произведения.

М.: изд-во АН СССР. 1958.

Вступительная статья Х.Н.Момджяна к сборнику и пьеса С.Марешаля «Страшный суд над королями» опубликованы ранее: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>.

Звездочками обозначены примечания Марешаля, сделанные им в статьях, цифрами – примечания редакторов сборника. Нами в конце предложен список дополнительных материалов.

Веб-публикация: редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения 2008

АНТИПАТРИОТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЕПИСКОПОВ ФРАНЦИИ

Из Бретани сообщают, что епископы этой области сговорились не принимать в расчет декреты Национального собрания, которые их касаются, и отказались что-либо делать для выполнения этих декретов. Оставленные на прежних местах прелаты заверили своих четверых собратьев, епископства которых упразднены, что ни в чем не покусятся на их права. Епископ Сен-Мало, подчинившийся декрету, как только был поставлен о нем в известность, оказался в глазах остальных мятежных прелатов трусом и отступником. Его собственный брат, епископ Нима, повсюду публично говорит, что не желает больше его слушать и что впредь не намерен с ним общаться. Церковная аристократия и все высшее духовенство, потерявшее свои права и доходы, пускают в ход тысячи тайных пружин, чтобы сбить с толку суеверный народ, пользуясь его неведением; им хотелось бы заставить народ верить, что епископы, избранные в установленном декретами порядке, не являются законными и что их следует рассматривать как самозванцев...

Граждане 83-х департаментов, вы проявили достаточно умеренности и терпения; и вот, вы приобрели свои права — выбирать епископов и священников; право наблюдать за ними также принадлежит вам — используйте его. Пора покончить с апатией и слабостью, они не подобают нации, которая стала свободной. С помощью нескольких внушительных примеров сдержите тех епископов, которые пытаются стать поперек революции и задержать ее ход. Пример двоих или троих из этих господ, без всякого снисхождения осужденных народным трибуналом, сделал бы остальных лучшими патриотами или по крайней мере более осмотрительными. Духовная аристократия всегда была более вероломна, чем дворянство. Бойтесь тайной коалиции прелатов всей Франции, которая окажется более ловкой, чем любые парламенты. Она может оказаться в состоянии ниспровергнуть новый порядок. Заявления и поступки бретонских епископов в точности совпадают с позицией остальных французских епископов. Будем же неустанно следить за ними. Всемерно уважая патриотизм епископа Сен-Мало и епископа Доля, а также тех немногих, кто следует их примеру, не будем мешкать с мятежниками. Заявим: горе прелатам, которые стали бы упорствовать в стремлении сохранить какие-нибудь остатки старого режима! Граждане! Они только ускорили бы революцию, подготавливающуюся в области религиозных идей. Недалеко, быть может, время, когда мы заметим, что издержки на культ поддаются еще большему сокращению. Может статься, мы пойдем еще дальше. И кто воспрепятствует нам, с текстом Евангелия в руках сказать 83 прелатам Франции: «Господа! Главы наших семейств намерены впредь сами выполнять ваши функции; и они не требуют иного жалованья, кроме дани сыновней любви и уважения. Оставьте же ваши престолы, ваш перстень, ваш пастырский жезл, вашу митру и все прочие епископские атрибуты, расходы на которые для нас слишком обременительны. Ступайте с миром и оставьте нас, каждого у своего очага, выполнять наши религиозные обязанности. Просвещенный народ не нуждается в иной узде, кроме гражданских законов».

Прошел золотой век духовенства, век невежества и рабства, когда, желая отвлечь нас от гнета деспотизма, нас забавляли смехотворными дразгмами Сорбонны¹ и распрями между кучкой епископов, которые бранились *per ora et folia* [устно и письменно. – лат.].

Разделение королевства на департаменты² несколько нарушило права, принадлежавшие епископам Франции. И эти гневливые пастыри, при виде своих смешавшихся в беспорядке стад, возымели надежду на контрреволюцию, порожденную недовольством их паствы, желающей следовать за своим старым руководителем; но пусть наши прелаты не расточают свои силы на то, чтобы разрушать новый строй. Они нам настолько безразличны, что мы едва ли заметим полное отсутствие наших епископов в случае, если реформа достигнет таких масштабов. Мы слишком выросли за истекшие пятнадцать месяцев, чтобы продолжать играть в церковь. Нас занимают более серьезные дела, и нам не до того, чтобы доискиваться, кто из нас к какой епархии принадлежит. Основное для нас — это возрождение нравов; а что общего между нравами и епископскими правами? Семейные добродетели не преподают с помощью предписаний.

№ 71, 1790, стр.302—304

ОБРАЩЕНИЕ К СЕЛЬСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ по ПОВОДУ ДУХОВЕНСТВА

Жители деревень, мы обращаемся к вам. Горожанин, находясь ближе к очагу политической жизни, лучше вас знает злоумышленников, разжигающих огонь анархии.

Мы всегда интересовались вашим трудом, дающим нам пропитание; мы узнали ваш доверчивый нрав; мы пристально наблюдали также за людьми, чьи злодеяния прикрывались облачением, которое вы еще уважаете. Революция не может совершиться без вас, без вашего сочувствия; она не победит до тех пор, пока вы слушаете этих двуличных субъектов, которые по самому своему положению и по своим принципам должны ополчиться против успехов разума, против царства свободы. Ночные птицы испускают крик при виде светильника; они чувствуют себя хорошо только во мраке; яркий дневной свет ослепляет их: то же самое происходит со священниками; они — опасные гости, которые сеют раздор везде, куда их допускают. Горе народу, который медлит в отношении их и, восстав, останавливает на полпути свое правосудие. Во время революции правосудие народа должно быть разящим и быстрым, как молния. Нужно, чтобы все головы, упорно продолжающие возвышаться над народом, который признает только равных, были сражены или стали вровень со всеми остальными.

Жители деревень! Вы видите это! То, в чем весь французский народ поклялся перед лицом Европы, та торжественная присяга жить свободно и не признавать иного верховного закона, кроме всеобщей воли, — от этой присяги священники* отказываются; однако в Евангелии сказано: Подчиняйтесь властям; может ли быть власть более законная, чем власть нации, которая сама собою правит? Правда, в Евангелии имеются и такие странные слова, произнесенные устами законоучителя, явившегося вслед за Моисеем - Я пришел принести меч на землю!³

* Можно ли поверить, что прокурор коммуны Пюи-ан-Валэ и главный штаб национальной гвардии этого маленького городка разжаловали молодого офицера, которому поручили передать епископу этой местности петицию, имеющую целью обязать его принести гражданскую присягу? И присяга не была принесена. Как еще национальная гвардия не вразумит штаба, а вместе с тем и муниципалитет? Речь идет лишь о том, чтобы забрать у одних их эполеты, а у других — их должности и оклады, дворцы, роскошь которых злобно противопоставляют простоте первых апостолов,— эти дворцы были построены прелатами только для того, чтобы дать работу неимущему классу. Теперь, когда бедствия нашего века вынудили прекратить все эти работы, как много несчастных ропщут, сожалея об этой роскоши, в которой столько раз упрекали епископов!

Увы! Именно теперь нам приходится верить в истинность пророчеств. Духовенство спешит сейчас найти им применение. Оно бряцает обоюдоострым мечом. Вы слышите, как оно говорит богатым: друзья, объединяйтесь с нами; наше дело — ваше; нашими благами завладели, когда увидят, что мы разорены, бунтовщики пойдут на вас: и аграрный закон,⁴ о котором уже говорят, — это продолжение секвестра, который осмелились наложить на церковную собственность?.. Как будто вторжение, несколько запоздалое, в имущественные отношения духовенства является насилием над священным правом собственности

Духовенство говорит народу: Дети! Вы видите, как с нами обходятся! Потерпите ли вы, чтобы грабили ваших благодетелей? Будете ли вы спокойно смотреть, как наши прекрасные поместья перейдут в чужие руки? Смотреть, как, безжалостно раздробленные на части, они будут вновь доведены до запустения, из которого мы с таким трудом их вывели? Допустите ли вы, чтобы те, кто дает вам жить под охраной алтарей, были постыдно изгнаны из своих древних владений? И эту несправедливость хотят узаконить, заставляя нас самих произносить позорный приговор, утверждающий наше ограбление! Дети, вы знаете: один прелат кормил целый округ; один-единственный божий дом доставлял пропитание нескольким деревням, населенным многочисленными прихожанами. Ныне же и впредь, что станете вы делать с вашими праздными руками? Цены на хлеб упали; но вам ведь нужно еще трудиться, чтобы заработать на него. Эти добрые поселяне, скажите, не таковы ли уговоры, которыми вас удерживают в течение целого года? У нас, в больших городах, с нами не смеют разговаривать в подобном тоне. Мы слишком близки к свету истины; итак, мы ответим за вас на эти рассуждения, которые были бы оскорбительны, если бы не были просто бессмысленны. Скажите же им вместе с нами:

Служители господина, толкователи закона равенства и мира, уймите вашу прыть! Мы оказываем вам честь, сделав вас гражданами. Мы согласны забыть ваш прошлый позор. Вы, особенно вы, прелаты Франции, которые своим поведением ускорили во Франции падение нравов, низкие рабы распутного двора, что говорите вы там о дворцах? Как, вы имеете бесстыдство говорить народу, что это вы давали ему средства к существованию — народу, на шее которого вы сидели! Высокомерные и жестокие церковники! Вы были столь бессердечны, что равнодушно смотрели, как мы, ваши кормильцы, питались черным хлебом, жили под соломенной кровлей, ютились в жалких лачугах близ ваших роскошных парков! Неблагодарные! Опьяненные фимиамом, осыпанные золотом, вы не знали, что делать с вашим богатством; вы уже испытали все наслаждения. Ваше воображение истощалось в замыслах столь же бесполезных, сколь и дорогостоящих работ. Если бы Армида** оставила вам свою волшебную палочку, вы, несомненно, поостереглись бы привлекать бедняка для строительства ваших дорог, для создания ваших сералей и ваших конских заводов, для разведения ваших садов, которые зря занимали столько земли, пригодной для обработки; и у вас хватило бы бесстыдства считать эти работы своей заслугой, делать из этого основание для признательности тех, кто из трусости позволял называть себя вашими вассалами. Послушать вас, так можно подумать, что ваше отсутствие поразит бесплодием эти огромные поместья, которыми вы слишком долго пользовались!

Мы оцениваем по достоинству ваши пастырские заботы; будьте спокойны, восемьсот ферм, продукции которых едва хватало на прихоти одного лица, сделают счастливыми восемьсот честных семейств, главы которых не едут в Рим для того, чтобы узнать, могут ли они со спокойной совестью произнести перед лицом неба присягу жить и умереть свободными, под сенью законов братства, созданных ими самими. Есть еще время: принесите присягу вместе с нами; станьте нашими братьями, извлеките пользу из нашей терпимости, пока она не истощилась.

Сильвен Марешаль

СТАТЬИ из «REVOLUTIONS de PARIS» (1790-1792)

Vive Liberta и Век Просвещения 2008

** Волшебная палочка Армиды — это вымысел наподобие лозы Аарона.⁵ Следует, однако, признать, что мифология Тассо более естественна и привлекательна, чем мифология Моисея.

Мы согласны не оглядываться назад с тем условием, что вы пойдете твердым шагом вперед, по правильной дороге, которую мы себе проложили с таким трудом, преодолевая такие опасности. Сбросьте ваше старое обличье и придерживайтесь принципов новой конституции. Не ищите в недрах алтаря то старое оружие, которое вы некогда держали про запас, чтобы внушать страх невежественной и боязливой толпе; не рассчитывайте преуспеть на ваших апостольских кафедрах или в глубине ваших пыльных исповедален — мы выставим вас из святилищ. Мы заставим вас первыми уйти из церквей, которые слишком долго оглашались мятежными проповедями^{***} ораторов, нанятых вами за деньги. Ваши овцы стали глухими к клеветническим измышлениям их бесчисленных пастырей.

Один кюре, близ Лилля во Фландрии, ни за что не соглашался нести в процессии святое причастие под трехцветным национальным балдахином: решили ограничиться тем, что с гиканьем отвели его обратно в его приходский дом, т.е. сделали именно то, что и следовало,

Прелаты Франции! Сойдите с ваших престолов, освободите место епископам, которые по сердцу нации; да, покиньте церкви и вернитесь в лоно своей родины; она прежде всего нуждается в гражданах, а уже затем в церковнослужителях; ей больше нужна нравственность, чем догматы. Предоставьте ей вновь взять в свои руки управление благами, неразумно отданными вам на хранение; возложите на нее обязанности кормить ваших нуждающихся братьев: ведь они также и ее дети. Положитесь на нее в деле обработки земель, расточительными владельцами которых вы были; быть может, она не захочет довести до конца здания, фундаменты которых были заложены вами ценой огромных расходов; но она воспользуется доходами ваших аббатств для постройки удобных, без роскоши, жилищ тем своим детям, которые, не имея, где преклонить голову, приходят на закате дня к вашим дверям, чтобы вымолить немного соломы в углу ваших конюшен. Станьте патриотами и дайте вместе с нами клятву быть гражданами; вы были среди нас самыми бесполезными и малоуважаемыми людьми.

Жители деревень, ответьте так тем подручным^{****}, которых высшее и среднее духовенство засылает к вам, чтобы именем религии настроить вас в пользу ее служителей. Вникните хорошенько в этот великий принцип: церковь в государстве — все, государство в церкви — ничто. Религия — это не что иное, как цепи, выдуманные для того, чтобы закрепить узы политического гнета. Со временем эти цепи стали очень тяжелы, хотя и были сплетены из абстракции^{*****}.

Пришло время упростить культ и поставить его на службу интересам просвещения. Священники не понимают всю красоту той роли, которую им предстоит играть. Перестав быть жонглерами, живущими своими фокусами с церковными кружками, они боятся совсем потерять почву под ногами. Они не понимают, что присяга, которой от них требуют, реабилитирует их в глазах честных людей.

^{***} Муниципалитет Марселя только что издал постановление против одного пророчествующего аристократа, налагающее на него 50 ливров штрафа в пользу большой городской больницы, под угрозой большего наказания в случае повторения проступка. Возможно, что не требовалось бы иной исправительной меры, кроме предоставления этому проповеднику провозглашать одинокому эхо свои антипатриотические иеремиады.⁶ Нужно бы предоставить им бесноваться в полное удовольствие как в церквях, так и в кафе; но народ еще не достаточно образован, чтобы можно было разрешить властям такой гражданский толерантизм⁷: принятое решение было правильным; священники гораздо более чувствительны к самому малому денежному штрафу, чем к самой сильной дозе презрения.

^{****} В Дижоне три кюре сговорились в одно и то же воскресенье, во время большой мессы, прочитать вполголоса декрет о сокращении числа приходских священников и устроить затем трогательное прощание со своей паствой. Богомольцы квартала тотчас же кинулись к подножию кафедры со словами: довольно декретов, раз нас лишают наших пастырей. Для этих кюре было бы лучше зачитать декреты по приказу властей, чем подавать в отставку. Страсбургские кюре приняли совсем иную линию поведения: они категорически отказались огласить в церквях протест, который кардинал де Роган, их епископ, послал им для прочтения.

^{*****} Добрые поселяне! Это выражение вам незнакомо. Пройдет немного времени, и метафизические абстракции будут полностью изгнаны из культа. Эта счастливая революция идей наступит, когда религия полностью станет понятной всему народу. Быть может, мы приближаемся к этому времени.

До революции они были всего лишь шершнями в улье, паразитами, которых мы имели слабость приютить в общем доме. Они пренебрегали ропотом одних, презрением других и были подозрительны для всех. Ныне, если они пообещают нам ограничиваться Евангелием и согласовывать его мораль с новой конституцией; если они добровольно откажутся быть ненасытными грызунами, жадно пожирающими блага, созданные чужим трудом; если они удовлетворятся предоставленным им жалованьем — тогда, только тогда, мы побратаемся с ними, и наши дети, воспитываемые ими, будут почитать их, как вторых отцов.

Но если, отводя протянутую руку, высшее и среднее духовенство предпочтет сыграть роль в какой-либо контрреволюционной драме; если, взобравшись на гору, церковники станут демонстративно воздевать к небу руки, моля бога о даровании победы аристократам; если более ловкие из них, загрязняя чистые источники апостольских учений, попытаются поколебать ваш патриотизм запугиванием муками ада, — тогда, жители деревень, заставьте замолчать этих фальшивых богословов! Заглушите их бесчестные речи. Прогоните из храма этих торговцев святынями; разжалуйте их. Препроводите их к подножию древнего вяза, пусть они предстанут пред судом ваших старцев. Отдайте их затем на осмеяние ваших жен и детей: став смешными, они перестанут быть страшными. Бели бы, например, епископу Тренье или Нанта народ предписал исполнять должность учителя в последнем селеньице их епархий и они тем самым уподобились бы царю Дионисию, ставшему учителем в Коринфе, — мы, возможно, не дошли бы в отношении прелатов Франции до обвинений и угроз.

Успокоимся, однако; общественное мнение поддержит революцию, вопреки пассивности Национального собрания и нерешительности короля. Общественное мнение еще до Национального собрания, не дожидаясь королевской санкции, одобрило присягу, которую должны принести епископы. Если церковники откажутся от присяги, общественное мнение предаст их народному суду. Народ городов и деревень — справедливый судья священников и королей. Каждый день приносит новые подтверждения этой истины: до тех пор, пока на земле будут существовать священники-профессионалы и аристократы, не будем обольщаться надеждой на полное спокойствие и свободу.

Жители деревень находятся между двух огней; священники и богачи, или дворянство, терзают их с двух сторон одновременно. На них давят и другие, но пусть поостерегутся: их можно довести до крайности! Они кончат тем, что расправятся как с теми, так и с другими, и будут только жалеть, что так поздно осуществили эту крайнюю меру, несмотря на постоянные провокации со стороны своих врагов.

№ 75, 1790, стр.501—509

О ДУХОВЕНСТВЕ, КАКОВО ОНО ЕСТЬ и КАКИМ ДОЛЖНО БЫТЬ

Скоро минет восемнадцать веков, как в Иерусалиме появился богочеловек;⁸ все слова его были святыми изречениями. Каждый его шаг оставлял след небесной добродетели. Он простил женщину-прелюбодейку⁹ и был неумолим в отношении плохих священников. Этот совершенный праведник, который не любил тиранов, умер смертью преступного раба; но прежде чем испустить дух на позорном столбе, он собрал вокруг себя любимых учеников и сказал им: «Я покидаю вас, чтобы вернуться к тому, кто меня послал; но я завещаю вам следовать моему примеру — проповедовать мое учение людям доброй воли. Скажите им, что гордыня будет повержена; скажите им, что религия — это узы мира и что служители ее первыми должны подавать пример подчинения законам отечества. Ступайте, благовествуйте по всей земле. Истинно говорю вам: пока вы будете проповедовать братскую терпимость, вы совершите чудеса — царские венцы упадут к вашим ногам, народы будут благословлять вас.

Но горе вам или вашим преемникам, если дух тщеславия овладеет моей церковью! Предупреждаю вас, я предаю ее злопамятству народа, чтобы она пресытилась своим позором. Ступайте с миром, и я всегда буду с вами».

Это двойное пророчество, произнесенное устами законоучителя христиан и приведенное в его завещании, сбылось буквально. Сначала действительно апостолы совершали великие дела — здравостью своего учения и чистотой своих нравов. Переворот совершился полный и быстрый. Цивилизованный мир был почти целиком обращен в христианство. Рим изменил лишь характер своей власти: он был деспотическим господином наций — он стал посредником между ними, и оружие религиозного убеждения во время апостольской деятельности Петра и Павла доставило ему больше побед, чем его оружие под командой Сципиона и Эмилия Павла.

Если бы блестящие посулы Христа целиком исполнились, мы увидели бы, что и его угрозы приведены в исполнение.

Оплачиваемые в первое время добровольными верующими, священники, став собственниками, начали утрачивать свои апостольские добродетели. Став богатыми землевладельцами, они очень скоро устремились к почестям; не имея возможности тотчас же достичь высших гражданских должностей, они приблизились к ним, выдумав церковную иерархию со всеми ее ступенями. Апостолы приходили в собрания с обнаженной головой, покрытой лишь единственной защитой, которой были редкие волосы, убеленные сединой от возраста и трудов. Они опирались на кривой и узловатый посох, срубленный в ближайшем лесу. Их преемники, изящно причесанные, надели, сверх того, раздвоенную митру или тройную диадему — очевидно, символ троицы; их правой руке, отягченной рубином, едва удается приподнять посох ювелирной работы. Их предшественники, в память своего божественного предтечи, считали своим долгом иногда носить на плечах тяжелый крест из дерева. Современные апостолы находят более удобным носить крест на груди: но этот крест уже не тяжел, потому что сделан из золота.

Им простили бы этот смешной наряд; но, напяливая на себя театральные костюмы, они лишили себя старинной простоты, которая и поныне заставляла бы уважать их, усвоили все нравы кулис. Они стали суетливы, тщеславны, педантичны и сластолюбивы — точь-в-точь, как комедианты; когда они представляли свои благочестивые фарсы^{*****} перед невежественной и грубой толпой, им было не трудно внушить к себе уважение. Впрочем, они прилагали много стараний, чтобы преградить непосвященным доступ к механизмам, которые они ловко пускали в ход позади декораций; и вдобавок существовала потребность присутствовать на этих спектаклях, ибо в те времена не было других.

Легко представить, какой вред эти подмостки изо дня в день наносили религии евангелия. Вселенские соборы¹¹ многократно благословляли именем Христа всю эту бутафорию, хотя Христос никогда не думал обманывать людей и превращать их в детей, которых забавляют освященными побрякушками. Бесстыдная деятельность церковников имела полный успех: то были благоприятные времена для них.

Но вот занялась заря разума. Высшее духовенство, следуя поведению нахальных лгунов, которых ничто не способно смутить, ничуть не желало уменьшить свои притязания. Оно обманывало монархов и пресмыкалось у их ног, чтобы добиться покровительства или отмщения.

***** Боязливые или недобросовестные читатели, быть может, осудят нас за это выражение. Нужно ли предупреждать, что речь здесь идет не о неизреченных таинствах религии, но о том церемониале, который скорее напоминает языческое идолопоклонство, чем годится для воспитания христиан, — о коленапреклонениях, выражениях благоговения, воскурениях и т.д., заимствованных нашими епископами у римской церкви. Известно, что папский церемониал напоминает культ, из папы делают настоящий фетиш. Это замечание не освобождает нас от краткого ответа на письмо некоего г.Тремани, гражданина Крацвиллера, департамента Верхнего Рейна и т.д. Он как будто сомневается в нашей преданности религии. Его следует успокоить на этот счет.

Два чудовища — суеверие и деспотизм — совокупились, и от этих нечистых объятий родились все те политические бедствия, которые удручали страну в течение многих веков; чаша терпения, наконец, переполнилась, и нация держит ныне свой великий совет.

Отнюдь не собираясь склонить голову перед родиной, не желая пойти навстречу реформе, ставшей необходимостью, высшее духовенство заключает союз со знатью, и священник, который дал обет христианского смирения, упорно стремится сохранить первое место в государстве. Служители бога-бедняка, которому в этом мире негде было преклонить голову, упорно стремятся присвоить третью часть государственных владений, отданных им только во временное пользование. Слово жалованье оскорбляет гордое ухо прелата; желая приобрести бенефиций, они предпочитают опуститься до самых низких услуг в кабинете министра или в будуаре куртизанки, вместо того чтобы принять из рук нации плату за свои апостольские труды. Рабы! они менее чувствительны к честному избранию свободным народом, чем к должности, выпрошенной куртизанками!

При первом же известии о законе, предписывающем им находиться в своих приходах, они начинают волноваться, интриговать: они возмущаются тем, что их осмеливаются призвать к выполнению их элементарных обязанностей. Эти горделивые повелители считают свою паству недостойной лицезреть их и желают общаться с ней лишь с помощью посланий.

Прикоснуться к границам епархий прелатов — святотатство, столь же достойное наказания, как покушение на ковчег.

Какое ниспровержение порядка! Какой скандал! Какой позор! Исполнилась-таки народная пословица! [«Из епископов да в мельники».] Впредь епископ будет только приходским священником своей округи, и добродетелей самого незначительного сельского кюре будет достаточно, чтобы возвести его в сан епископа.

Высшее духовенство никогда не сможет переварить такой конституции: скорее оно погибнет; никогда оно не простит объединившейся нации, что она очистила храм господень от нечистот, которые там накопились за многие годы. Честному человеку претило туда входить, и он не знал, где совершить молитву; все было загрязнено по вине тех, у кого хранился ключ от святилища.

Ныне, когда все очищено и возвращено на свое место, прелаты отказываются сообразоваться с новыми правилами распорядка^{*****} в их церквах; они боятся слишком связать себя с новым порядком вещей, установленным без них; они предпочитают, чтобы религия чахла, покрытая позорными язвами; когда же ее возвращают в первоначальное состояние,— они тут как тут, ходят повсюду, заявляя, что ее подвергают надругательствам, что ее оскорбляют, превращают ее в ничто.

Сам папа римский поощряет непристойный шум, поднятый епископами Франции, издав приказ о празднестве в Риме в честь католицизма, расшатываемого новаторами. [Так Браски или Пий VI называет представителей французской нации.]

Что следует думать об аббате де Берни? Осыпанный благодеяниями Франции, он позорит свою седину контрреволюционными переговорами при римском дворе. Впрочем, чего же ждать от священника, если своим продвижением по апостольской службе он обязан песенкам в честь одной куртизанки?

Что сказать о некоем епископе из Шалона, который в пастырском послании созывает дворянское ополчение своей епархии, приглашает всех верующих объединиться вокруг него и повелевает им требовать национального совета, состоящего из священников?

Что за логика! Поручить священникам преобразования, касающиеся их самих! Если так, может быть, стоит предоставить школьникам, непослушным шалунам, заботу о наказании самих себя?

Сильвен Марешаль

СТАТЬИ из «REVOLUTIONS de PARIS» (1790-1792)

Vive Liberta и Век Просвещения 2008

^{*****} Заметьте хорошенько это выражение, которое наши епископы намеренно путают с самой религиозной доктриной, притворяясь, что они не понимают, о чем идет речь.

Что сказать о некоем страсбургском епископе, который в пастырском послании корчит из себя государя XIV века и осмеливается утверждать, что духовенство ответственно только перед богом? Имя этого епископа стало синонимом гражданского и нравственного ничтожества!

Это ли дух церкви XVIII столетия? Не так думала она и выражалась, когда была еще только воинствующей. Не мнит ли она себя уже торжествующей? Пусть же будет по крайней мере скромнее в своем триумфе ^{*****}.

Правда, не все епископы проповедуют эти ультрамонтанские¹² положения. Тот, чья резиденция находится в Отёне,¹³ не обращается с подобными призывами к подчиненным ему церковным чинам; но от него ожидали примера, которого он не подал. Почему, в согласии с гражданским устройством духовенства, которое он довольно милостиво проповедует, — почему не называет он себя епископом департамента Сены и Луары? Почему он не подписывает своей фамилии и не отказывается от той старорежимной формулы, которую прелаты усвоили, чтобы походить на государей?

Епископы с тем большей уверенностью поднимают знамя мятежа, чем больше низших церковных чинов собирается под их флагом. Чтобы показать, до чего доходит духовенство в своем безумии и фанатизме, достаточно напомнить, что недавно произошло в Париже с одним честным церковнослужителем, депутатом Национального собрания. Поверят ли, что ему было отказано в исповеди за то, что он принес присягу новой галликанской церкви? ^{*****}

Духовенство, каким оно должно быть и каким оно, несомненно, станет благодаря революции, мало похоже на нынешнее духовенство.

Французские прелаты! Если бы вас сделали судьями в вашем собственном деле, руководствовались бы вы Евангелием, деяниями апостолов, чтобы вернуть религии ее первоначальную чистоту, а ее служителям — нравы первых христиан? Сумели бы вы сделать то, чего не смогли все соборы? Хватило бы у вас смелости переделать самих себя, упразднить свои серали и конюшни? Сумели бы вы чистосердечно сознаться в недействительности ваших прав на получение огромных доходов, которые шли на оплату ваших наслаждений?

^{*****} Некогда епископы выступали против хороших книг, которые затем сжигались по распоряжению парламента. Ныне муниципалитет Энбрунна наложил на своего епископа штраф в 600 ливров в пользу госпиталей за то, что он опубликовал мятежное пастырское послание.

Мы советуем всем муниципалитетам поступать так же. Свобода все говорить безнаказанно с кафедры, которой церковнослужители пользуются с незапамятных времен, оказалась бы в руках епископов средством для контрреволюции, если бы муниципальные магистратуры не вносили в это дело свои коррективы.

Еще лучше было бы обязать типографов последовать патриотическому примеру печатника бывшего архиепископа Парижа, которому он отказал предоставить свои печатные станки для опубликования под видом послания книжонки против присяги. Некоторые наборщики дали слово последовать этому примеру.

^{*****} Один хирург, солдат национальной гвардии квартала Блан-Манто, изобличает духовенство прихода Сент-Жерве и особенно настоятеля женского монастыря на улице Франк-Буржуа в том, что они требовали от юных пансионеров молиться за священников, которых нация лишила доходов.

Один избиратель кантона Траверни (округ Понтуа) разоблачает некоего господина Бланшара, кюре прихода Фрепилон в долине Монморанси. Вопреки декретам Национального собрания и мнению муниципалитета этот пастырь упорно продолжает поручать молитвам прихожан духовенство и знать, принцев и монсеньора архиепископа; он не желает также лишиться ни крошки ладана для служб своей церкви и заставляет преклонять колени того, кто подает ему кадило.

Эти мелкие факты, ежедневно повторяющиеся, доказывают необходимость наблюдать за священниками; они доказывают также, что ненависть народа более чем обоснованна. Мы призываем, однако, наших братьев в городе и в предместьях не допускать никаких выходов при виде человека в церковном одеянии; под этим одеянием может скрываться очень хороший гражданин, презрение к которому было бы жестокостью. Аббат де Брокар, известный своей преданностью конституции, жаловался, что он был оскорблен посреди улицы, полной народа.

Мы предупреждаем также, что частично уже опубликованное и приписываемое духовенству мятежное постановление, направленное против декретов и присяги, о котором должно было быть доложено Национальному собранию, — что это постановление является вымышленным.¹⁴ У священников так много грехов, что было бы неправильно и неумно приписывать им еще и другие.

Впредь, без сомнения, епископ, живущий среди своей паствы, будет обращаться к ней со словами, более содержательными, хотя и менее дорогостоящими; он откажется от роскоши не только внутри своего скромного домашнего очага, но и у подножия алтарей. Из шелка и льна будут сотканы его первосвященнические одежды; золото вовсе не должно сверкать в дарохранильнице бога-человека, рожденного в стойле; серебряное кольцо на его пальце заменит рубины, отвлекающие внимание набожных душ; епископ не будет больше делить со своим богом фимиам, который идолопоклонники из низшего духовенства некогда смиренно ему воскурjali; короче говоря, епископ будет только первым кюре департамента. И зачем только существовала такая дистанция между епископом и кюре? Разве не оба они священники? Существует ли звание более высокое, чем это последнее, если оно хорошо оправдывается?

Что такое священник? Это гражданин, который, полагая, что наделен мягкой душой, посвящает себя культу общественных добродетелей, которые религия связывает воедино: миролюбие, терпимости, братству, умеренности, размышлению над нравственной правдой, воспитанию юношества, утешению дряхлых стариков. Хороший священник — отец всех сирот и друг всех людей. При старом порядке и во времена, когда нам недоставало энергии, хороший священник ослаблял наши путы и вселял в нас надежду, что рано или поздно бог, который всех нас призвал к свободе, даст нам возможность и средства разбить оковы. Так, Моисей и Аарон были настоящими священниками-гражданами, потому что поднимали дух угнетенных соотечественников на священное восстание и сумели заставить их стряхнуть с себя иго египетской аристократии.

В настоящий момент хорошему священнику предстоит прекрасная роль: ему нет надобности оставлять отечество, чтобы за морем насаждать христову веру среди диких народов, которые живут по законам природы и не нуждаются в нашем культе. В священном ли сумраке исповедален или при ярком дневном свете на кафедре евангельской истины, на пороге святилища или внутри жилищ,— священник-патриот не твердит о присяге, подобно некоему парижскому богомольцу: «еще три дня, и Ниневия¹⁵ будет разрушена», но повторяет с апостольским умилением:

— Друзья мои, мои братья! Еще три месяца, и родина будет спасена. Будьте терпеливы; ободритесь; путь к свободе лежит через препятствия, но не будем терять спокойствия: пусть царит среди нас согласие. Будем едины, и мы останемся свободны. Пусть отказ нескольких епископов и некоторых кюре не приводит вас в уныние; это их дело. Бог за нас, потому что свобода — возлюбленная дочь его. Свобода — сестра религии. Бог отвергает ладан рабов. Рабство делает людей суеверными. Останемся же свободными, чтобы угодить богу и сохранить уважение людей.

№ 79, 1791, стр.8—17

О С В Я Щ Е Н Н И К А Х

В Национальное учредительное собрание допустило две большие ошибки, и мы каждодневно пожинаем горькие их плоды. Первой ошибкой был декрет о присяге гражданскому устройству духовенства; второй — возложение ж на государство расходов по культу. Присяга внесла замешательство в перепуганное сознание добросовестных, но мало просвещенных священников; жалованье, назначенное ж тем, кто принес присягу, породило, с одной стороны, много клятвопреступлений, а с другой — ущемление интересов той многочисленной части духовенства, которая оказалась без должности и, следовательно, без содержания. В Неизбежные жертвы нового порядка на миг, как казалось, позавидовали мученическому венцу; но им не доставили этой чести. Устав от этой бесчестной и бесплодной роли, непокорные стали изображать из себя преследуемых, чтобы получить право стать преследователями или по крайней мере мятежниками. Они взывали к расколу и добились того, что многие стали им вторить.

К ошибкам Национального учредительного собрания ж нужно добавить гораздо более тяжелую вину дворца Тюильри.¹⁶ Если бы на месте Людовика XVI был Генрих IV — тот Генрих IV, которого лишь с осторожностью следует ставить в пример, мы, возможно, больше не слышали бы разговоров о духовенстве, залившем кровью почти все страницы мировой истории и особенно анналы Франции. Генрих IV (правда, он подбирал себе искренних друзей и хороших советчиков), видя непреклонность французской нации, не желавшей больше быть ни рабой королей, ни жертвой обмана священников, не заперся бы в часовне замка Тюильри, чтобы принимать там причастие от людей, негодных народу. Он без всяких просьб отправился бы слушать пасхальную мессу в свою приходскую « церковь Сен-Жермен-Л'Озерруа. Генрих IV показался бы там тотчас после декрета о гражданском устройстве галликанской церкви и дважды принял бы пасхальное причастие от своего присягнувшего пастыря. Генрих IV сказал бы Марии-Антуанетте: «Да здравствует бог! Жена моя, я желаю, чтобы вы собственной персоной отправились раздавать освященный хлеб беднякам нашего прихода».

Все французы, даже в самых малых деревушках, захотели бы, по примеру Генриха, причаститься от руки присягнувшего священника; мятежники сидели бы смиренно, и тайные враги общественного порядка имели бы одной стрелой меньше в своем колчане.

Генрих IV был убит, скажут нам, и мы знаем теперь, кто направлял руку его убийцы.

Ну что ж! Короли умирают один только раз, как и прочие люди, и это прекрасно — скрепить своей кровью всеобщее счастье; но в наше время Генрих IV не подвергался бы такому риску; скорее надо опасаться за нас самих: от духовенства, которое крепко держится за короля, всего можно ожидать.

Ведь нельзя сомневаться в том, что макиавеллевская политика Тюильри одновременно вложила оружие в руки аристократов-эмигрантов и факел фанатизма в руки мятежных священников

Осмелимся это сказать и внесем таким образом в наши суждения больше откровенности, чем Национальное законодательное собрание — в свои. Существуют факты, которых оно боится коснуться и которые пролили бы яркий свет на обсуждаемые им вопросы, особенно на вопрос об эмигрантах и неприсягнувших священниках. Да! Французская кровь, которая пролилась в ряде департаментов из-за религии, или, вернее, в интересах духовенства, кровь, которая и сейчас струится в Графстве¹⁷, должна пасть на голову Людовика XVI; он — первая и, быть может, единственная причина всех тех ужасов, которые посеяли фанатики, ободренные королевским молчанием слишком для них красноречивым.

После декрета о гражданском устройстве духовенства, который стоил стольких трудов и был принят с таким промедлением, Людовик XVI не примкнул публично к новой церкви; месса, которую он слушал в Сен-Жерменской церкви, не может считаться одобрением вновь введенного церковного устройства, ввиду того, что он не принял гам причастия.

И это в то время, когда священники, извлекающие пользу из всего, обходят деревни, говоря крестьянам, живущим очень далеко от столицы и не умеющим распознать лживость утверждений, которыми их пугают: Друзья! Поступайте, как ваш король, помазанник божий; как только вы увидите, что он исполняет свой религиозный долг при помощи новых священников, откажитесь от старых; мы даем на это согласие. Но наш король, столь же благочестивый, сколь несчастный, лишь на словах согласился с тем, что от него потребовали. В сердце своем он вечно хранит истинную религию ваших отцов и подлинных ее служителей; до сих пор он никому, кроме нас, не захотел доверить заботу о его совести и спасение своей души.

Как могли бы неискушенные люди ответить на подобные доводы? Существовало лишь одно средство заставить замолчать контрреволюционных священников и успокоить их пугливую паству, и это средство было целиком в руках короля.

Когда Национальное учредительное собрание опубликовало прекрасное обращение, составленное Мирабо, предназначенное для сопровождения постановления о гражданском устройстве духовенства, почему исполнительная власть не подкрепила эту возвышенную теорию практическими мерами? Пример королей еще долго будет оказывать большое влияние на настроение народов. Почему монарх, исполнитель закона, сам первый не подчинился ему? Видели ли его хоть раз в нашей столичной церкви? Почему Людовик XVI оказывает самый холодный прием первым конституционным епископам? Это — плохая рекомендация им в департаментах. Все то, что делает король, делается во всех концах государства. Гражданин, который не ожидал раньше, что его культ может быть так радикально и к тому же внезапно реформирован, долго остается в замешательстве и, не получая указаний от главы государства, лишь одним ухом прислушивается к новому духовенству, другое же оставляет для старого. Почему монарх не наблюдает за тем, чтобы новые кюре получали свое жалованье, чтобы старые кюре и монахи регулярно получали свои пенсии?

Почему все рекомендации Национального собрания по этому вопросу не были серьезно и быстро рассмотрены исполнительной властью? Выпустили толпу людей, которых до сих пор никто не видел и которые неизвестно откуда взялись. Почему терпят, чтобы они тоном приказа просили милостыню у дверей новых церквей, поносили и запугивали присягнувших священников, которые ничего не имеют, чтобы дать нищим. Почему исполнительная власть не приняла никаких мер для того, чтобы пресечь подобные бесчинства в деревнях? Видя отеческие заботы, осведомленный о добром согласии между тронem и алтарем, сразу очистившихся от своего прошлого позора, народ так не боялся бы своего бога; он совсем не тревожился бы за свою религию; и тартюфы не располагали бы таким великолепным аргументом для обмана народа, восстанавливая его против новых служителей культа в пользу старых. Успех первых окончательно привел в ярость вторых, и житель деревень, обработанный ими, оказался для них очень хорошим помощником. Чтобы ускорить внутреннюю контрреволюцию, уже подготовленную внешней, пользовались любыми средствами; не было времени привередничать. Священники, изгнанные из святилища, хватались за любое оружие, чтобы снова туда вернуться; все годилось для них; начались военные действия; удар был отражен; патриоты защищали свое дело со всей горячностью; их враги шли в атаку со всей яростью оскорбленного пастырского самолюбия; и отсюда — мщение, ненависть; были без стыда пущены в ход самые грубые хитрости, достойные ранних времен суеверия; к величайшему стыду философии, которая считала, что наша эпоха более прогрессивна, эти хитрости часто имели успех; ни с той, ни с другой стороны больше не щадили сил, не соблюдали больше меры; полностью отдались чувству злобы, с тем меньшей сдержанностью, что можно было предаваться ему безнаказанно. Исполнительная власть неизменно прикидывалась глухой и оставалась, подобно египетским сфинксам, неподвижной, хотя имела руки и ноги, чтобы действовать; она ничего не видела со своими тысячами Аргусов,¹⁸ содержащимися при дворе, чтобы все видеть. Поскольку злодеяние — не догмат веры, исполнительная власть могла быть в курсе всех преступлений, не совершая насилия над свободой совести и мнений; но двор играл в прятки; в точности следуя своей системе нейтралитета, он предоставил все течению событий и произволу мятежных церковнослужителей; и «отец французов, хранящий их всех в своем сердце», видя, как его дети перерезают друг другу горло, не крикнет им: «Довольно! Это слишком далеко зашло!» Если бы первые поджигатели были отданы в руки правосудия, пожар остановился бы и не перекинулся в соседние департаменты. Весь юг Франции озарен им; но хотели, чтобы было полное зарево, хотели посредством религиозной войны начать войну гражданскую; беспорядки распространяются из города в город; после того как посягнули — не на священный ковчег церкви, нет, а на несгораемый шкаф духовенства, — каждая неделя отмечена каким-нибудь изуверством. Совсем иначе обстояли дела после присяги гражданскому устройству.

Один из главных очагов пожара охватил Графство; его и следовало там ожидать, но ничего не было сделано, чтобы его предупредить: территория, узурпированная римской тиарой, должна была послужить главной ареной религиозных мятежей; впрочем, действующие лица этих жестоких спектаклей не имели даже достаточного повода к выступлению, так как Авиньонский декрет¹⁹ еще не был утвержден королем. Небо потребует к ответу Людовика XVI за кровь храброго Ожэ и за кровь всех негров, всех людей с цветной кожей, а также белых, чья кровь струится сейчас, быть может, в наших колониях, из-за отказа санкционировать декрет от 15 мая. Людовик также должен будет ответить и за все убийства, совершенные в Графстве, постановление о присоединении которого к Франции до сих пор не одобрено; это — преступная нерешительность в повседневных делах, преступное оскорбление человечности при тех взаимоотношениях, которые существуют между Графством и Францией.

Преступления в Ниме, Монтане и других местах²⁰ — это, несомненно, только прелюдии к ультрамонтанистскому разбою, практикуемому в Авиньоне. В то время как покровительница первого города-государства²¹, не заставляя себя долго упрашивать, уступает свой храм для прославления великих мирских людей своей родины, подрумяненная накануне мадонна становится в Авиньоне сигналом к бойне людей всех возрастов и обоего пола; и народ, сам добрый народ позволяет подстрекателям, которым хорошо платят (можно догадываться, из каких источников) довести себя до такой крайности, что убивает своего муниципального служащего, одного из видных патриотов, на ступенях алтаря, посвященного религиозному смирению! Кто мог бы сказать нам, что на наших глазах будут происходить подобные ужасы, что мы увидим осуществление тех рассказов, которые некогда подвергались сомнению, потому что писатели-философы, передававшие их нам, не были ни священниками, ни их друзьями? Кто мог бы этому поверить? Объявлена свобода всех культов, а люди упорно не желают терпеть никаких других религий, кроме их собственной! Существует только одно Евангелие, и массы разумных существ, или по крайней мере тех, кто должен проявлять себя разумными в наш просвещенный век, делятся на отряды и с яростью в сердце, с именем всеобщего бога на устах клеветают друг на друга, преследуют мучат и истребляют друг друга! И эти бедственные сцены происходят на глазах законодателей мира, которые впервые торжественно признали права человека, которые впервые начертали всюду, вплоть до дверей храмов, священное слово Свобода! У греков были религиозные войны, но ведь они поклонялись многим богам; мы поклоняемся только одному и убиваем друг друга в его присутствии и обращаясь к нему с молитвой!

Париж, подавший сигнал революции, мог бы также послужить образцом в отношении своих религиозных принципов. Но почему не берут примера с него? Мятежные священники не смеют открыть рот в тех самых стенах, которые окрашены еще кровью, пролившейся в день святого Варфоломея²² и в то время как всё — в огне, древняя Лютеция,²³ эта колыбель друидов, является только зрительницей эксцессов, которые бесчестят и опустошают остальную Францию.

Причина и следствие не всегда следуют друг за другом; молния не ударяет точно в том месте, где собирается гроза. Но нарисовать картину наших общественных бедствий — еще не значит найти от них средство. Какое же решение должно принять Национальное учредительное собрание в тяжелом и тревожном положении для Франции? В настоящий момент было бы хорошо, если бы оно не обращало внимания (или делало вид, что не обращает внимания) на тайных агентов, которые поднимают так называемых мятежных священников против принявших присягу и, следовательно, против той части народа, которая выступает еще за старое устройство клира, и против тех, которые великолепно принаровились к новой церковной организации.

Было бы крайне необходимо, чтобы Национальное учредительное собрание распространило на всю Францию мудрое решение Парижского департамента, открывающего все церкви для всех культов без различия, под единственным надзором гражданских чиновников, но не под присмотром епископа или кюре округа, как того раньше хотел Парижский муниципалитет, который так же мало умеет организовать охрану порядка алтарей, как и охрану хлеба и зрелищ.

Но пусть оно остерегается разрешить частные часовни, как советовал ему епископ Буржа: этот терпимый священнослужитель желает, чтобы можно было служить мессе даже в частных домах, при условии, что число верующих, собравшихся на такой запрещаемой новым законодательством мессе, не будет превышать двадцати. Но, отрекаясь от одиозных приемов святейшей инквизиции, почтенный прелат не видит, что таким образом он привел бы к печальной необходимости снова прибегнуть к ним; ибо в силу этого проектируемого закона нужно было бы поручить нотариусу производить выезды на места, чтобы подсчитывать присутствующих на этих домашних мессах. Но в силу хорошей конституции нотариус не должен проникать в жилище гражданина иначе, как при зове на помощь, по жалобе заинтересованных сторон.

Было бы хорошо, чтобы Национальное учредительное собрание, если это позволяют наши финансы, увеличило пособие священникам, оставшимся без должности из-за непринятия присяги. Что такое 500 ливров для каноников и других церковнослужителей, которые не походят ни на св.Пахома, ни на св.Василия, и которые, привыкнув к вавилонским наслаждениям, погибли бы от скуки в Фиваиде?²⁴

Национальное собрание отвергнет поэтому и суровые меры, которые предлагал ему красноречивый епископ Фоше, и не прекратит снабжение продовольствием священников, кроме правонарушителей и объявленных таковыми. На что смогут они жаловаться, если с ними будут обращаться не хуже, чем с остальными гражданами?

Наши представители разумно поступили, встретив всеобщим смехом наивное предложение одного доброго земледельца — заставить священников, признанных судом виновными, носить вместо национальной кокарды, прикрепленной к их сутане, медаль с надписью: *Подозрительный священник*.

По мнению епископа Буржа, Национальное собрание должно и может без риска разрешить всем священникам, независимо от того, принесли они присягу или нет, песнопения, молитвы, поучения, проповеди, но при условии, что все это будет делаться публично. В свете этого последнего соображения было бы очень своевременно запретить им тайные исповеди — это скрытое оружие, которым мятежные священники так часто и недостойно злоупотребляли во время революции.

Было бы также неплохо обязать всех священников надевать свою священническую одежду только во время исполнения своих функций, по примеру протестантских пастырей, которые пользуются не меньшим уважением, хотя не носят длинных черных ряс, а также по образцу солдат национальной гвардии, которые снимают свой мундир тотчас же после своего дежурства.

Национальное учредительное собрание должно незамедлительно составить три обращения: одно — к королю, другое — к священникам и третье — к народу.

Людовик! — твердо заявит оно в первом обращении. — Твое двусмысленное поведение, твоя двурушническая политика — вот что раздувает пламя суеверия в стране. Именно ты должен показать первый пример повиновения закону и санкционировать его больше своими делами, чем своей подписью; твое имя, стоящее под декретами, читаем только мы, но твои дела — пример для всей Франции: твои подчиненные будут подражать тебе, если ты будешь поступать хорошо, как подражают они тебе, когда ты поступаешь плохо. Окажи поддержку священникам-гражданам, наблюдай за теми, которые не являются таковыми, и положение вещей переменится: наступит мир и порядок.

Облеки властью национальную волю; никогда раньше ты не обладал таким могуществом для борьбы против возмутителей общественного спокойствия. Поскольку ты принял на себя исполнение главных государственных функций, ты отвечаешь за это если не перед законом, то по крайней мере перед судом общественного мнения, а за 27 месяцев ты должен бы научиться понимать, что такое общественное мнение, которое судит и монарха и его министров, которое приводит министров к подножью эшафота, а монарха — к кое-чему похуже — к всеобщему презрению и к угрызениям совести.

А вы (будет стоять в обращении к священникам) — ваше владычество кончилось; ваша роль подошла к концу; вам остается только один выход — стать патриотами; если вы будете еще сколько-нибудь колебаться,— бойтесь стремительного прогресса разума; бойтесь, чтобы народ, который, наконец, научился мыслить и который умеет читать, не предоставил бы вас самим себе, устав драться в поддержку ваших распрей, и не обратился бы непосредственно к богу, не нуждаясь в посредниках.

Обращение к народу могло бы быть составлено в таком духе:

Французы! Вы напрасно тревожитесь; священники сделали все, что могли, чтобы убедить вас, что их дело — это дело религии и государства; ничего подобного; предоставьте им грызться между собой, оскорблять друг друга; придерживайтесь в этом деле Евангелия и своей совести: культ — не основа религии, он только ее форма. Ваш бог — повсюду, как в храмах, так и в домах; не спрашивайте у священника, принес ли он присягу, но узнайте, любит ли он истину, является ли он сторонником той независимости, которая ставит человека выше мелких предрассудков времени и места. Если речь идет о священнике с чистыми нравами, ступайте к нему и скажите: пойдём со мной и присоедини свои молитвы к моим, и мы вместе восславим бога природы, который создал всех людей равными и свободными. Пусть семейные и общественные добродетели занимают первое место в ваших сердцах. Французы! Может существовать много культов, но существует одна лишь религия — это религия честного человека.

№ 120, 1791, стр.162—170

ВОЙНА СВЯЩЕННИКОВ

В начале революции мы ожидали только войны государей и не думали о войне священников; однако одна не приходит без другой; поскольку наше намерение состояло в ниспровержении всякого деспотизма, мы не могли пройти мимо деспотизма священников, иначе революция не была бы завершена,

В проскрипционные списки²⁶ следовало внести не только прожорливых волков, но и злокозненных лисиц.

Таково наше отношение к священникам; такими они проявляют себя повсюду. Если в Париже они устроили меньше скандалов, причинили меньше зла, чем в других департаментах, то это потому, что общественное мнение оказалось сильнее их; еще немного, и кровь пролилась бы под окнами тюильрийского дворца, как пролилась она под балконами древнего Лувра: там нашлись бы и Екатерины и Карлы²⁷. Но оружие фанатизма притупилось о памфлеты философии. С евангелием в одной руке и конституционным катехизисом в другой народ Парижа сводит свои счеты с мятежными священниками, не прибегая к насилию. Насмешки и презрение предохранили пас от религиозной войны, и аббат Мори отделался песенками и карикатурами; священная особа покинула Париж, не стяжав здесь того мученического венца, который он сменил бы в Риме на приготовленную для него шляпу кардинала.

В департаментах мятежный священник не встречает никого, кто смог бы заткнуть ему рот кляпом. Пожар, которого не останавливают, прекращается, лишь когда все истреблено.

Бездонная пропасть — вот что такое дух церкви (Буало).

Война священников окончится лишь тогда, когда для нее не останется больше ни дураков, ни жертв; как и война королей, она не завершится до тех пор, пока мы не закроем все источники, из которых и те и другие черпают средства. Впрочем, духовенство, которое обучило трон искусству иезуитства и которое само так часто использовало его для собственной выгоды, в настоящее время до такой степени ослеплено яростью, что не считается ни с чем; его кредит погиб безвозвратно; в запасе у него остаются только апостольские добродетели, с помощью которых оно может законно восстановить свою власть над умами, ставшими весьма просвещенными. Из средств, которые, как оно считает, находятся еще в его распоряжении, выполнение долга перед государством является, несомненно, не самым необходимым; оно начало со смягчительных снадобий; дружеские назидания и исповедь употреблялись для обольщения и развращения; ныне оно пожинает кровавые плоды этого смертоносного посева.

Духовенство и двор поменялись исконными ролями.

Первое сказало второму: Вы уже проявили чуточку недовольства — притворитесь теперь спящим. Закон вложил в ваши руки свои смертоносные стрелы, чтобы поражать врагов порядка и возмутителей общественного спокойствия; не пускайте их в ход; мы, на которых возложено дело мира, будем трудиться за вас и одновременно для себя. У нас гораздо больше причин для огорчения, чем у вас; нация пока расположена сохранить короля; на священников же она смотрит, по-видимому, лишь как на бесполезные рты, которых имеет большой смысл выкинуть вон в голодную пору; народ, если мы не примем меры, скоро удовлетворится одним Евангелием; уже сейчас он учится читать его, чтобы не держать чтецов на жалованье; сейчас более чем своевременно вытащить из-за алтаря наше последнее оружие — факелы фанатизма; оно почти повсюду производило эффект. Поднесем огонь к пороху, пусть корабль взлетит на воздух; мы погибнем, но по крайней мере не покоримся.

Жители городов и деревень! Это не вполне то, что ваши мятежные священники повторяют вам изо дня в день со своих кафедр и в своих исповедальнях; но именно таков скрытый смысл их речей; если вы сомневаетесь в этом, вспомните об их деяниях после издания декрета, предписывающего им быть гражданами; ибо именно в этих предписаниях они видят главное преступление революции. К счастью, подобные враги не могут быть долгое время опасными; вы имеете врагов более грозных. Если бы королевская власть проявляла себя столь же открыто, если бы отчаяние заставило ее потерять голову и она все время отказывалась бы скрепить договором союзные и конституционные узы, которыми, как вы считаете, она крепко связана, — она бы сегодня совсем не имела сторонников; эмигранты не мечтали бы о крестовом походе. Для того чтобы управлять нацией, которая чувствует себя вправе выражать свои желания, нужно сначала по крайней мере показать вид, что ее желания исполняются. Духовенству, обычно еще более лукавому, чем двор, к счастью для нас, в этом случае не хватило выдержки; оно захотело силою вернуть свои привилегии, изношенные от времени, смешанные с грязью философами, — привилегии, лоскутья которых священники должны были бы принести в жертву на алтарь родины. Если бы все священники, покорные с виду, остались при своих старинных повадках, они могли бы вернуть себе втихомолку все, что, как они говорят, у них отняли и, быть может, в срок, более короткий, чем затраченный ими на добывание своих богатств. Почему у этих шпионов королей, столь терпеливых на протяжении многих веков, теперь не хватает выдержки? В профессии этой бывают невзгоды, в ней есть свой риск и опасности: шпионам не всегда улыбается счастье. Подобно полицейским фискалам, они заставили бы вознаградить их в соответствии с числом надругательств, которые они претерпели.

Но мятежные священники — это люди, которые повернут вспять, когда почувствуют, что роль возмутителей не принесла им такого же успеха, как при Екатерине Медичи и Карле IX. Они споткнулись на том, что хотя правящая династия ничуть не изменила с течением времени своего характера, но зато народ изменил свой характер.

Граждане! После мер, принятых недавно Национальным собранием, множество этих мятежников, пользуясь преимуществом, которое дает им новый закон, смешается с нашими присягнувшими священниками, великолепно оправдывая басню о волке, напавшем на себя овечью шкуру; вы увидите, как они своей привычной вкрадчивостью постараются усыплять простодушную паству. Чтобы вернуть доверие, они начнут с того, что спрячут свои факелы мятежа и смоят с рук кровь, пролитую у них на глазах и по их совету. Затем они начнут тонко льстить выборным лицам, которых они одурманят фимиамом, чтобы получить места во всех общественных учреждениях. Если они достигнут цели и обоснуются там, их первой заботой будет отравить источники образования и противопоставить каждой новой истине предрассудок, освященный древностью своего происхождения; и эта глухая борьба произведет больше опустошений, чем та, которую священники ведут с нами сейчас.

Дети одной семьи, изгнав из отцовского дома ленивых братьев, стремятся перепахать свое поле, чтобы при помощи более совершенного способа обработки, чем способ их добрых предков, оно приносило больший доход; занятые своим делом, они не заметили, что их ленивые и коварные братья выпустили на наследственное имение пять или шесть нар кротов, которые за короткий срок погубили весь урожай первого года; на другой год дети этой семьи уже не были застигнуты врасплох; они начали с того, что укрепили ограду своих участков и произвели быструю и суровую расправу над кротами.

Граждане! Кто не знает, что священники во все времена вызывали больше бедствий, чем кроты в наших садах?

Граждане! Можно предложить вам мудрое и легкое средство избавиться от этого камня преткновения, о который самая лучшая конституция всегда будет спотыкаться, если не сломается совсем. Мы, конечно, не можем обойтись без религии: она — узда для людей негодных, хотя не может сдержать закоренелых преступников; она — потребность людей с нежным воображением, услада чувствительных душ; она — поводырь еще юных страстей и посох старости; она — утешение людей, слишком несчастных, чтобы прислушиваться к доводам разума. Религия — это сокровище бедняка и утешение тем, которым общество плохо платит. Но религия существовала и до того, как появились профессиональные священники; она прекрасно существовала бы и без них и, возможно, будет существовать после них. Евангелие — лучший из всех религиозных кодексов; давайте же освободим культ от всего, чего нет в Евангелии; не будем стремиться быть более совершенными, чем оно требует, и делать больше, чем оно нам велит. Бог-человек, который завещал нам Евангелие, ни слова не говорит ни о духовенстве, ни о посвящении в сан; вот что предписывает оно нам во всех своих письмах: *Всякий раз как трое или четверо верующих соберутся во имя мое, я буду среди них.*

Нет, может быть, ничего более ясного и точного; этот текст можно понять без всяких пояснений; остановимся на этом замечательном изречении бога-человека; соберемся хорошо сплоченными семьями или небольшими добрососедскими общинами, будем раз в неделю читать Евангелие, в день, освященный самим святым писанием, и святой дух осенит наши главы, не дожидаясь возложения чужих подозрительных рук.

Граждане! Обдумайте совет, который мы вам даем, со всем чистосердечием братского или христианского человеколюбия: эти два слова — синонимы. Но в ожидании, что этот посев даст ростки в вашем сознании, посмотрим пока что, может ли новый закон, вынесенный против мятежных священников, оградить нас от их злодеяний. Прав да, если бы была принята высказанная нами мысль, у нас не было бы нужды во всех этих осторожных постановлениях.

КРИТИКА ДЕКРЕТА ПРОТИВ МЯТЕЖНЫХ СВЯЩЕННИКОВ

Прежде всего заметим, что священник по профессии, священник, который является священником и ничем больше, так же мало может стать гражданином, как король по рождению, обладающий правом вето, правом неприкосновенности и 30—40 миллионами годового дохода, может стать патриотом. Никогда не добиться того, чтобы стал лучше король, ни того, чтобы исправился священник.*

* Высокий патриотизм большинства принявших присягу католических священнослужителей показывает, что только под влиянием обстоятельств они попали в разряд людей, не имеющих с ними ничего общего, кроме одежды. Священник и мятежник мы употребляем здесь как синонимы.

Мятежники чванятся своим особым призванием, но здесь нечем хвастаться: впрочем, клеймо, которое их профессия накладывает на их сердце и ум, никогда не сотрется. Люди не обретут покоя, пока не забудут самого значения слова «священник», столь же чуждого религии, сколь подозрительного для общества, в котором религия призвана объединять людей. Слово *священник* не должно сохраниться в языке счастливой нации, как слово король в речи свободного народа. Пока на земном шаре не переведутся короли, до тех пор земля будет испытывать потрясения. Бог, который не все одобряет, хотя и все позволяет, сказал о священниках устами святого Павла: *Tradi dit mundum disputationibus eorum* [Он предал мир их раздорам. - лат].

Говорят, что исповеди достаточно, чтобы очиститься от греха. Это антисоциальное религиозное таинство причинило и продолжает причинять больше зла нравственности и общественному порядку, чем все политические бичи вместе взятые.

Установив это, посмотрим, какую плотину воздвигли наши законодатели против бушующего потока фанатизма.

ТЕКСТ ДЕКРЕТА, КАСАЮЩЕГОСЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА — НАРУШИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СПОКОЙСТВИЯ

«Национальное собрание считает, что служитель культа, отказывающийся принести присягу Конституции, которая позволяет ему проповедовать религиозные взгляды, не налагая на него иных обязательств, кроме уважения к порядку, установленному законом во имя общественной безопасности, своим отказом свидетельствует, что либо его взгляды противоречат порядку и безопасности, либо что он не намерен эти порядки уважать.

Не желая признавать закон, он добровольно отказывается от преимуществ, которые лишь этот закон в состоянии ему гарантировать...»

Казалось бы, эти первые строки преамбулы составлены с мудрой умеренностью; жаль, что это прекрасное вступление лишь подготавливает положение о присяге и о прощении всех мятежных священников, если они только произнесут «да», которое от них требуют. От таких людей нужно получить более верную гарантию, чем это односложное слово присяги, вызывавшее уже столько клятвoprеступлений и покрывавшее столько заговоров.

«Религия — это только предлог, которым злоупотребляют враги Конституции, и средство, которым они осмеливаются пользоваться, чтобы во имя неба возмущать землю...»

Да, это несомненно так; ибо возможность существования религии без священников доказывается тем, что из всех людей именно священники меньше всего религиозны. Ж.-Ж.Руссо уверяет в одном из примечаний, что за всю свою жизнь он встретил только трех священников, веривших в бога.

Жалуются на недостаток веры у христиан в наше время. Если бы стали добираться до причины такого равнодушия, ее обнаружили бы в распушенности нравов духовенства. Утверждение, что дурные священники причинили больше вреда религии, чем неверующие и безбожники, — не является парадоксом.

Впрочем, религия будет служить вредоносным орудием лишь до тех пор, пока те, которые пускают его в ход, будут составлять обособленную касту. Религия должна бы быть подобна честности. Не существует служителей честности; каждый носит ее в своем сердце и доказывает ее своими делами, без помощи и посредничества другого.

«Таинственные преступления священников легко ускользают от обычных мер, которыми невозможно воздействовать на тайные обряды, маскирующие их козни и помогающие им достигнуть большой власти над сознанием людей...»

Законодатели! Признавая недостаточность обычных мер, страшитесь прийти к порядкам инквизиции; это значило бы исцелять большой недуг с помощью еще большего; это значило бы в одно и то же время окружать ореолом мученичества людей, которые не заслуживают ничего, кроме презрения, и не нуждаются ни в чем, кроме надзора. Присяга, которой требовало Учредительное собрание, явилась, быть может, причиной всех тех беспорядков, которые Законодательное собрание сможет устранить, лишь приняв прямо противоположную линию поведения. С того момента как являются на сцену суды, не нужно никакой присяги.

«Наступило, наконец, время разорвать эту завесу, для того, чтобы можно было отличить мирного и добросовестного гражданина от мятежного священника-интригана, который сожалеет о старых злоупотреблениях и не может простить революции их уничтожения...»

Было бы также своевременно заставить священников влиться в массу граждан, чтобы их можно было привлекать к обычным судам. Прежде существовало каноническое право²⁸ и право гражданское. Нужно, чтобы существовало лишь одно правосудие для всех. Один священник [аббат Сийес], не сумевший сохранить до конца уважение, которое он вначале заслужил, недавно подал довольно хороший совет — именно, подчинить всех его собратьев по профессии гражданскому праву. Осуществление этой идеи нанесло бы последний удар страшной и мстительной корпорации, наглой и паразитической, которую называют духовенством.

«Сама обязанность обеспечить свободу религиозных взглядов, гарантированная Конституцией, настоятельно требует, чтобы законодательный корпус принял серьезные политические меры для обуздания крамольников, которые прикрывают свои заговоры флагом религии».

Священной или мирской ширмой прикрыт заговор, принимать серьезные политические меры против мятежных священников значит придавать им слишком много значения. Всего этого не нужно; достаточно, чтобы звучал голос судьи. Только безнаказанность придает отвагу мятежным священникам и обеспечивает им прозелитов. Народ не становился бы на сторону кюре-смутьяна, осужденного, в качестве такового, на три года каторги.

«Следует в этом вопросе точно придерживаться смысла прежних законов и порядка их исполнения, а если они неудовлетворительны — подготовить новые...»

Не нужно новых законов. Это бы оказало слишком много чести крамольным священникам. Если прежние законы (пусть даже порочные в некоторых частях) обладали тем достоинством, что могли сдерживать или подавлять,— они всегда будут достаточной оградой против преступлений священников. Священник всегда стремился обособиться от остальной части граждан, даже в наказаниях, которым подвергался. Его наказание прежде всего должно состоять в том, что его поставят в один ряд с другими преступниками. Карать надо преступление, а не сословное положение виновного, всегда более или менее случайное.

«Наконец, прогрессу здравого смысла и общественного мнения предназначено обеспечить торжество закона, открыть глаза добрым жителям деревень на своекорыстное вероломство тех, которые хотят заставить их поверить, будто законодатели Учредительного собрания затронули религию их отцов. Этот прогресс спасет честь Франции и предотвратит в наш век просвещения повторение тех страшных сцен, которыми злобное суеверие осквернило историю тех веков, когда невежество народов было одним из главных средств управления...»

Как мы писали в одном из предыдущих номеров, если бы исполнительная власть строго наблюдала за деятельностью судов, если бы она не стремилась взять под свое покровительство контрреволюционное духовенство и относилась к нему с тем интересом, который обычно вызывают мученики, общественное мнение само скоро бы было привлечено мятежниками, а закон предупредил бы добрых земледельцев, что следует вязать руки священникам-возмутителям. Законодатели, больше всего страшитесь признания в том, что вы слишком поздно взялись за дело, что вы предупреждаете страшные сцены, примеров которых было более чем достаточно.

Национальное собрание, предварительно указав в декрете на то, что является настоятельной необходимостью, окончательно постановляет следующее:

«Ст. I. В течение недели, считая со дня опубликования настоящего декрета, всем церковнослужителям, кроме тех, которые поступили согласно с декретом от 27 ноября,²⁹ надлежит явиться в муниципалитет по месту жительства и принести там гражданскую присягу, следуя тексту статьи V, раздела II Конституции, а также подписать удостоверяющий это протокол, который будет составляться беспошлинно».

Итак, первой из серьезных политических мер, о которых было возведено в преамбуле, является попятный шаг, утверждаемый первой же статьей постановления. Дело не в том, что со стороны Законодательного собрания было бы не очень мудро отречься от закона о присяге священников гражданскому устройству клира, принятого Учредительным собранием; но крамольные священники примут это проявление благоразумия за акт снисхождения, слабости, боязни. К тому же одну присягу закон подменяет другой. Но исход дела показал, что первая имела успех. Правда, священники-смутьяны полностью обнаружат свою неправоту и окажутся в таком положении, когда к ним могут быть применены те же меры пресечения, что и к другим гражданам, к которым их приравнивает законодательство, но было бы еще лучше не издавать никакого нового закона и отсылать к уже изданным законам и уже созданным судам или по меньшей мере не подвергаться риску скомпрометировать во второй раз национальную честь новым требованием присяги. О ней просто не нужно было говорить.

Произойдет одно из двух. Крамольные священники либо подчинятся этому закону, либо нет. Многие из них дадут ее, эту присягу, но не будут считать себя ею связанными. Когда они почувствуют свою силу, они скажут, что вынужденное обязательство незаконно. Если же они откажутся от нее... Ниже мы рассмотрим те последствия, которые будет иметь их отказ.

«Ст. III. Те из служителей католического культа, которые подали пример подчинения закону и преданности своей родине, приняв присягу верности, предписываемую декретом от 27 ноября, и которые ее не нарушили, свободны от новых формальностей. Они неизменно сохраняют права, которые предоставлены им ныне действующими декретами».

Это подразумевается само собой и потому является только лишним привеском к закону. Законы следует составлять из трех слов, если их нельзя составить из двух; а здесь мятежным священникам без всякой надобности напоминается пример присягнувших священников. Раскол между теми и другими возник исключительно на почве декрета от 27 ноября; между ними не должно быть иного различия, кроме того, которое существует между патриотами и аристократами.

«Ст. IV. Что касается всех остальных церковнослужителей, то ни один из них не сможет впредь получать пенсию или жалованье из государственной казны, если не представит доказательства о принесении им гражданской присяги в соответствии с вышеуказанной статьей I. Казначей, сборщики и плательщики, которые произведут выдачу денег вопреки предписаниям настоящего декрета, будут приговорены к возмещению суммы и лишению своей должности».

В результате этой статьи появятся несчастные и клятвопреступники, мученики и лицемеры, и дело не продвинется вперед. Не словами, не обещаниями привязывают граждан к родине.

Присяга — это плохой цемент для скрепления кирпичей политического здания. Порядок и гармонию должен установить репрессивный закон; человеческое общество находится еще на той ступени, когда надо прибегать к показаниям в качестве последнего средства. Достаточно уже принесло хлопот то, что с самого начала был избран обходной путь.

«Ст.V. Помимо лишения жалования и пенсий, церковнослужители, которые откажутся дать гражданскую присягу или нарушат ее, будут заподозрены в бунте против закона и в дурных замыслах против родины, взяты под специальный надзор конституционных властей».

Несомненно; ибо люди, не имеющие денежных средств, уже по одному этому подозрительны. Было бы достойней Законодательного собрания большой нации не слишком упирать на эту угрозу лишения всякого жалования и пенсий. Наши новые законы не лучше старых, даже тех, которые устанавливали наши древнейшие предки — варвары, в том отношении, что всегда ставят рядом с нарушением гражданского долга денежный интерес. Это значит лишить повиновение закону всякой заслуги. Повинуйтесь нам, говорят законодатели, клянитесь быть патриотами или — никакой пенсии. Не так, кажется нам, следует разговаривать со свободными людьми или с людьми, которых хотят сделать достойными свободы. Раз общество не может обойтись без членов, занятие которых уже само по себе подозрительно, так как имеет целью сохранение предрассудков, то, чтобы сдерживать их, требовалось сказать лишь одно: «не шевелитесь, вы видите, меч закона занесен над вашей головой». И нужно было добавить лишь следующее: А вы, нерадивые и коварные судьи, и ты, исполнительная власть, действующая заодно со святыми поджигателями, и прочие — выполняйте свой долг. Меч закона поразит судью раньше, чем виновного. Преступление бодрствует, когда правосудие спит.

«Ст.VI. Вследствие этого всякий церковнослужитель, отказавшийся принести присягу или ее нарушивший, если он будет находиться в коммуне, где вспыхнут волнения, причиной или предлогом которых явятся религиозные убеждения, может быть сообразно с серьезностью обстоятельств временно выслан в другое место на основании постановления директории департамента, по заключению директории округа и с доведением до сведения суда».

После этой статьи крамольные священники поспешат принести присягу, которая развяжет им руки и снимет с них подозрения в подстрекательстве волнений. Дав надлежащим образом присягу, они будут строить козни под ее прикрытием; тщательно избегая разоблачения, они ни за что не будут в ответе. Чтобы отвести все подозрения, будет достаточно трех слов, произнесенных перед муниципалитетом: Он принес присягу. Как же можно усомниться в его поведении? Вот к чему это приведет. Присяга — это овечья шкура. Надзор конституционных властей должен быть, напротив, преимущественно направлен на вновь присягнувших.

Можно было бы сочинить великолепную басню под заглавием «Присягнувший волк». До того как зверь принес присягу, пастух и собака день и ночь сторожили стадо; оружие — огнестрельное и другое — было приготовлено к встрече волка; но лицемерный волк потребовал, чтобы ему дали принести присягу в том, что отныне он будет смирен, как барашек. В стаде великая радость. Волк поднимает переднюю правую лапу, и тотчас же перед ним раскрыта овчарня. Ему готовят ночлег рядом с невинной овечкой и блеющим ягненком. Собака, которая полагала, что теперь может беззаботно спать под боком у своего хозяина, внезапно просыпается среди ночи от крика матери и крошки. Собака хочет броситься вперед. «Лежи спокойно, — говорит ей пастух, не подымаясь с места, — ничего не случилось: это присягнувший волк играет с барашками». — «Мне кажется, что он их пожирает», — отвечает собака. — «Да нет же, говорю тебе, — отвечает пастух. — Разве не принес он присяги жить по-братски?» — «В таком случае, это другой волк, который не присягал, и я бегу туда». Но собака прибежала слишком поздно. Присягнувший волк перепрыгнул через ограду и унес с собою и свою недавнюю клятву и совсем свежую добычу.

«Ст.VII. В случае неповиновения постановлению директории департамента нарушители будут преследоваться судом и наказываться тюремным заключением, сроком до одного года, в главном городе департамента».

«Ст.VIII. Всякий церковнослужитель, который будет изобличен в том, что он нарушал общественный порядок речами, действиями или писаниями, будет наказан двумя годами тюремного заключения».

Восьмая статья — очень щекотлива. Не компрометирует ли она несколько свободу печати? Эта свобода должна быть абсолютной как для патриотов, так и для мятежных священников и аристократов. Мы согласны, что контрреволюционные листовки наделали много зла в наших департаментах, но пусть нас не упрекают в том, что мы добились свободы только для нас самих.

«Ст.X. Директория департамента велит составить два списка; первый — содержащий имена, с указанием местопребывания служителей культа — католиков, принесших присягу, и с примечанием, кто из них не имеет должности и кто бы из них хотел стать полезным; второй — содержащий перечисление имен и места жительства тех, которые отвергли гражданскую присягу, с указанием составленных на них жалоб и протоколов. Эти два списка должны быть подготовлены незамедлительно...»

Все остальное носит чисто процедурный характер и выдержано в духе предыдущего.

Следует сделать исключение только для статьи XVI и последней, которая является в высшей степени мудрой и о которой следовало бы подумать раньше. Эта статья могла бы оказаться достаточной для того, чтобы твердо обязать исполнительную власть, ее агентов и суды, не оставлять безнаказанным ни одно действие мятежных священников, направленное к нарушению общественного спокойствия в деревнях. Мы будем еще и еще повторять: и раньше и сейчас дурных священников нужно рассматривать не иначе, как возмутителей общественного спокойствия; надо наказывать их за каждую провинность и не дожидаться, пока за первым преступлением последует еще более серьезное. Преступления следует пресекать как можно раньше, не позволяя преступнику безнаказанно их повторять.

Но приведем сперва статью XVI:

«Поскольку народу следует заранее знать ловушки, которые ему непрестанно расставляют в этом вопросе, Национальное собрание призывает все образованные умы возобновить свои усилия и участить свои выступления против фанатизма; оно объявляет, что будет рассматривать как общественное благодеяние хорошие сочинения, написанные на эту важную тему для сельского населения и доступные для него. Ознакомившись с этими сочинениями, Национальное собрание опубликует и распространит их за счет государства, вознаградив авторов».

Надо думать, в этих сочинениях, доступных сельским жителям, будет особая глава об исповеди, показывающая ее нелепость и ее досадные последствия. Если Национальное собрание еще не сочло своим долгом приступить к рассмотрению этого щекотливого вопроса, то писателям-патриотам незачем щадить людей, которые сами не щадят ничего; они должны открыть глаза доверчивым крестьянам на сущность исповеди, с помощью которой дурные священники ведут столь бесчестную игру. Исповедь — это позорнейшее ярмо, придуманное людской безнравственностью; и оно продолжает еще угнетать две трети нации, которая уже называет себя свободной!.. Будем уважать свободу мнений: пусть даже народ продолжает ходить на исповедь, если он еще не понимает всей нелепости и опасности этого обычая; но по крайней мере пусть все суды постоянно будут открыты и готовы рассмотреть по всей строгости закона жалобы, поданные против злоупотребления этим таинственным судом совести, который породил столько указов об опале, спровоцированных дурными священниками.

Приводя здесь статью X этого распоряжения (ибо декрет этот не может считаться законом), мы подчеркнули слова служителя культа, потому что они явились предметом дискуссии. Некоторые весьма уважаемые епископы из числа присягнувших протестовали против такого наименования священников и требовали именовать их общественными служащими. Но мы выражаем одобрение комитету и Национальному собранию, настаивавшим на том, чтобы именовать священников служителями культа. Врач является служителем медицины. Ныне корпораций больше не существует: есть только назначенные законом гражданские власти. Духовенство некогда было только факультетом, подобно факультету права. Ныне священники не являются и не должны являться ничем, кроме как гражданами, имеющими профессию, которую они сами себе избрали; священники не работают для общества, подобно судье или администратору; они лишь принимают на себя обязанность сообразно с пожеланиями того или иного члена общества обращаться к божеству с молитвой или с просьбой о помощи и прощении. Эта дискуссия о названиях важнее, чем можно было бы думать; если бы все граждане как следует в нее вникли, кровь не лилась бы почти во всех департаментах во имя дела крамольных священников. Лишенные своего веса, они потеряли бы власть над умами, которые они пропитывают фанатизмом; очарование было бы разрушено. Что же касается священников-патриотов, пусть они не думают, что их хотят унижить или обескуражить; революция им многим обязана и многого еще от них ждет; но прежде всего следует уважать принципы.

№ 124, 1791, стр.326—335

ЕЩЕ РАЗ О СВЯЩЕННИКАХ

Декрет, принятый против злонамеренных священников, представлен на утверждение, и все ждут, какую позицию займет король, который не знает, как поступить. С одной стороны, Сорбонна взывает к нему немощным голосом: «Ваше величество, я протестую против бывших, настоящих и будущих декретов Национального учредительного собрания, касающихся римской и галликанской церкви. Вы не можете отказать в своем veto³⁰ Сорбонне, которая все свои упования возлагает на бога и своего короля. Если факел философии, озаряя Францию, вызывает в ней пожар, если он не вспыхнул еще раньше, если вы не лишены еще трона, то этим вы обязаны Сорбонне. В меру своих сил она удерживала на глазах народа спасительную повязку заблуждений и предрассудков. Ваше величество, Сорбонна просит у вас сейчас только veto, для того чтобы дать ей время вызвать религиозную войну».

Брат мой, — говорит со своей стороны принцесса Елизавета, — остерегитесь того, что вы собираетесь делать³¹. Мой духовник и наставник, мои отцы-благотворители и мои капелланы, все добрые священники говорят мне, что, если вы одобрите касающийся их декрет, речь уже пойдет о спасении вашей души и гибели вашей короны, прекраснейшей жемчужиной которой является религия ваших отцов. Разве не священники сделали вас королем? Не они ли помазали вас на царство в Реймсе³². Не проповедовали ли они всегда, не проповедают ли они и теперь вашим подданным повиновение вашей власти? Если бы им верили, вам не нужно было бы отчитываться ни перед кем, кроме бога. Ваше величество, брат мой! Не оставляйте ваших самых верных служителей; они все делали для вас, сделайте и вы кое-что для них: трон и алтарь должны взаимно поддерживать друг друга; республиканцы появились в вашем королевстве лишь после того, как в нем появились безбожники: народ, у которого нет уважения к своим пастырям, не высоко ставит своего короля. Veto даст духовенству время осмотреться: в противном случае что с ним будет, если оно лишится всего, даже убежища? В настоящем его положении оно может еще оказать вам важные услуги. Вера, изгнанная из Парижа, нашла пристанище в провинциях; священники собирают там для вас добрых друзей; как будет для них приятно и почетно торопить начало контрреволюционных действий, соглашение с эмигрантами!

Но для этого дайте им время завладеть совестью людей, как вы даете время монархам собирать силы у границ страны. Ну же, брат мой! Наложите вето, не отказывайте сестре, которая вас любит и которая хотела бы вас видеть счастливым.

Третий натиск сделан на короля со стороны «Journal de Paris»³³, который он читает каждое утро; там он находит патетическое обращение, подписанное: «Ваши верно-подданные неприсягнувшие священники Парижа».

Ипуская громкие вопли, эти господа хотели бы убедить короля, что их преследуют по всем правилам. Они добавляют, что всегда готовы скрепить свою веру своей кровью, но что никакая человеческая власть не сможет принудить их к присяге, даже гражданской.

Встревоженный и нерешительный, король велел своему верному Лессару написать циркулярное письмо директориям всех департаментов, для того чтобы узнать мнение большинства относительно священников — как будто Лессар может в этом сомневаться. Печальная судьба veto, наложенного на декрет об эмигрантах³⁴, сделала исполнительную власть несколько более осмотрительной. Впрочем, тогда не стоило и спрашивать мнения нации относительно вынесения того veto. Ответ был известен заранее. Раз Тюильри твердо решил покровительствовать беглецам и выиграть для них время, не следовало бросать вызов общественному мнению и поступать вечно не по-своему. Иначе обстоит дело со священниками; к сожалению, очень много недоставало для того, чтобы относительно мятежных священников создавалось такое же единое мнение, как и относительно беглых контрреволюционеров. Оружие священников оказалось более счастливым, чем оружие эмигрантов.

Однако, если нам будет позволено дать совет злокозненным священникам, пусть они не слишком настаивают на королевском veto. Задерживая своей инертностью настоятельно необходимый закон, король предоставил бы своих верных служителей народной ненависти. Народ, увидев, как поповские факелы вызывают пожарища в наших департаментах, вполне может бросить поджигателей в их собственные костры. Эмигранты пока только грозят нам; поэтому мы оставим в покое их единомышленников, которые имеются вокруг нас. Но злокозненные священники, присоединяя к угрозам действия, заслуживают кое-чего побольше, чем чувства жалости и презрения. Народные магистраты! Будьте бдительны! Vigilate! Vigilate! [Бодрствуйте! Бодрствуйте! – лат.]

Вот те последние меры, которые Национальное собрание сочло нужным принять по предложению г. Франсуа де Невшато; они изложены в следующих словах:

«Церкви или часовни, используемые для католического культа, субсидируемого государством, не должны быть использованы для отправления какого бы то ни было иного культа».

Национальное собрание хотело, вероятно, предупредить неудобства, которые могут создаться, если одни и те же храмы будут поочередно обслуживаться священниками двух различных культов. Мы, однако, не прониклись хорошенько премудростью этой меры; практика по крайней мере за нас. Во Франции после революции можно было видеть, как одни и те же святые места мирно служили двум разным религиозным общинам. Зачем в небогатых кантонах лишать граждан иного вероисповедания этого источника экономии? Зачем, наоборот, не сохранить это звено братской связи, этот обычай, который к тому же достаточно оправдывала необходимость? Это было бы практическим шагом на пути к осуществлению того всеобщего культа, который уже в течение стольких лет проповедует нам философия: со временем религиозные различия растворились бы в едином евангельском тексте; не осталось бы никаких семян соперничества, основанного на суевериях; догматы различных религий со временем сблизились бы и скоро приятно изумленные люди заметили бы, что эти догматы, все одинаково нелепые, должны уступить место вечным и общим для всех принципам разума. Но чтобы прийти к этому, нужно, чтобы все люди шли общим путем и привыкали встречаться у подножья одного алтаря. Нужно сделать так, чтобы они встречались в одном месте, но отнюдь не запрещать одним доступ в церкви, принадлежащие другим.

Реплики «в сторону» не производят в религии такого же эффекта, как на сцене. Правда, существование культа, пользующегося исключительной привилегией получать субсидию, отодвигает эту приятную перспективу; возможно также, что было бы неразумно разрешить, при настоящем положении вещей, чтобы в одном и том же храме молились богу на различных языках. Наши потомки будут много смеяться над затруднениями, которые нам сейчас доставляют священники.

«Вышеназванные церкви, которые в результате объединения приходов окажутся излишними для отправления субсидируемого культа, могут быть сданы в аренду или проданы для отправления любого другого культа. Но это право не распространяется на тех служителей католического культа, которые отказались принести гражданскую присягу, или которые от нее отреклись».

Итак, согласно этому декрету против плохих священников, последнюю дополнительную статью которого мы привели, они остаются без прибежища, без жалованья, превращенные в полнейшее ничто, если не станут гражданами, если по крайней мере не докажут с помощью присяги свою готовность стать ими. Преследования Диоклетиана нанесли им менее роковой удар; существует, однако, разница между тем временем и нашим, потому что тогда у них были все апостольские добродетели, которые и подвергались преследованию; ныне же преследуются фанатизм и лицемерие, честолюбие и эгоизм, все пороки и все преступления, корень которых стремятся вырвать, лишая пропитания их носителей.

Но мы продолжаем считать, что можно и должно было иначе взяться за врага, оружие которого еще привлекает значительную часть людей. В этой позорной войне, от которой стонут гуманность и разум, мало искренне верующих священников. Священники, верящие в святость своего служения, не устраивали бы никаких скандалов; они отошли бы в сторону и мирно принесли богу, как искупительную жертву, свои бенефиции³⁵, которые были проданы в пользу государства. Было очень важно не оставить и следа от того, что называют духовным сословием. Разрушая эту древнюю корпорацию, не следовало показывать священникам, что хотят сохранить их особое устройство; еще меньше следовало скреплять их корпорацию особой присягой; нужно было заставить священников целиком и полностью влиться в общую массу граждан. А теперь возникает необходимость прибегать к этому средству, но оно уже несколько запоздало.

Абсолютная свобода религиозной мысли, торжественно провозглашенная в Декларации прав, явилась смертным приговором всякому господствующему или субсидируемому культу, всякому фанатизму, всякому суеверию. Лучше было бы выдержать несколько сражений ради того, чтобы немедленно получить возможность провести в жизнь этот великий принцип; эти сражения никогда не были бы даже в отдаленной степени такими свирепыми, как те, против которых мы теперь принимаем предосторожности.

После Декларации прав общественное мнение не сделало в этом отношении ни одного шага вкривь или вспять. Едва только вышло постановление о недействительности всех обетов, противных природе, как мы увидели, что самые рассудительные из церковнослужителей переменили одежду, облачились в общенациональный костюм и занялись коммерцией, производством, искусством, взяли себе жен — одним словом, стали выполнять все обязанности и осуществлять все права хорошего гражданина: отныне старая пословица, созданная определенными условиями времени и места, родившаяся в эпоху суеверия и варварства: «священник кормится от алтаря», потеряла смысл у этих католиков, как она потеряла его уже много лет назад у протестантов. Такой стремительный прогресс идей проложил прекрасную дорогу Национальному собранию; почему же оно не обошлось с мятежными священниками так, как обходятся с каждым, кто возмущает общественное спокойствие? Почему оно не санкционировало немедленное предание суду крамольных попов, призывая к ответственности судей за благодушное отношение к церковным мятежникам или за сговор с ними? Почему не пресекло оно бездействие королевских эмиссаров, общественного обвинителя, прокурора каждой директории?

Национальное собрание должно сделать так, чтобы на головы общественных властей пала кровь, пролития которой они не сумели предотвратить.

В результате всех этих беспорядков многие приходы оказались без пастырей; работники на ниве господней бежали, рассчитывая, что им не найдется замены; то был как раз подходящий момент, чтобы нанести последний удар этой так называемой церковной иерархии, которая похвалялась тем, что ее главою является сам бог, предоставляющий народу выбор служителей религии и даровавший ему древнее право останавливать свой выбор на тех гражданах, избирающих и могущих быть избранными, которые пользуются наибольшим уважением по своему возрасту и нравам.

Просвещенным патриотам будет приятно узнать, что викарий одного епископа излагает этот вопрос в чрезвычайной петиции, обращенной к Национальному собранию, которое постановило сделать по ней доклад; пусть же оно сумеет использовать это предложение выкорчевывать, наконец, из недр общества священное древо познания добра и зла, которое до сих пор давало гораздо больше плодов этого последнего сорта, чем первого!

Еще не так давно считали, что открывают великую истину, заявляя, что государство в церкви ничто, зато церковь в государстве — все. Революция расширяет наш кругозор. Скажем же: религия должна пребывать во всех сердцах, которые чувствуют в ней потребность, церковь же — нигде. Пусть впредь сан священника не будет профессией. Алтарь не предназначен для того, чтобы кормить священника; алтарь не должен быть ни конторкой торговца, ни банковским бюро: пусть станет он впредь местом сбора, куда граждане добровольно будут приходить время от времени для чтения какого-либо места из Евангелия. Читать Евангелие будут поочередно, без всяких комментариев. Пусть эта святая обязанность не будет связана ни с какой выгодой. Жалованье принизило бы ее; тогда мы увидим, как все дурные священники сами отстранятся и воздержатся от служения, которое не приносит ничего, кроме почета.

№ 126, 1791, стр.427—432

РИОМСКИЕ ПРИВИДЕНИЯ

Париж занят в настоящий момент перемещением картезианцев³⁶ в монастырь Сен-Виктор. Эти бравые монахи, чувствуя поддержку многих членов правления департамента и муниципалитета, потребовали некоторой отсрочки и могли бы показать свои хищные зубы любым другим манером; возможно, они попробовали бы повторить благочестивый фарс францисканцев из Риома; но даже овернцы не верят больше в привидения.

Правление округа приказало риомским францисканцам очистить местность. Трудно покинуть алтарь, под сенью которого ты кормился. Что же делают наши монахи? Предшественники их были погребены в одной из монастырских часовен. Отец Вейссе, ангел-хранитель монастыря, зовет одного местного нищего, ведет его в погреб, дает ему испить три стакана доброго старого вина, припрятанного в углу и ускользнувшего от муниципальной описи. «Жак, — говорит ему отец Вейссе, — вся кварта этого доброго вина может принадлежать тебе одному, если ты окажешь монастырю небольшую услугу». «Говорите, отец мой, — отвечает Жак, — я вам ни в чем не откажу». «Слушай, Жак: правление округа хочет полностью водвориться здесь и, следовательно, нас отсюда прогнать; надо его запугать и отбить у него охоту завладеть этими местами. Спустись в склеп, где погребены наши монахи; заберись в один из гробов, я тебя покрою сверху костями; там ты будешь издавать тяжкие вздохи и протяжные стоны, которые можно будет услышать, проходя мимо часовни. Сперва дети, затем женщины, а потом и все люди испугаются этого глухого шума; все станут кричать: эго привидения, это покойные монахи, которые оживают, чтобы выразить недовольство правлению округа и защитит от осквернения святые места.

Народ, который не внемлет доводам рассудка в вопросе о добрых своих монахах, встанет на их сторону и осудит членов правления округа, если те будут настаивать на нашем удалении, чтобы занять принадлежащие нам места. Жак, все это очень нетрудно проделать; я на тебя рассчитываю, рассчитывай и ты на нас; если ты проведешь дело успешно, у тебя будет кусок хлеба до конца дней твоих, и ты получишь хорошее место в монастыре».

Жак повиновался в точности; и вот он испускает вздохи в гробу одного францисканца. Двое детей, проходившие мимо, бросаются бежать со всех ног. Арман, привратник окружного правления, которому они рассказали о приключении, отправляется к часовне, настораживается, слушает стоны и поспешно удаляется, творя крестное знамение.

Он сообщает об этом служащим правления округа, и те посещают часовню. Им кажется, что многочисленные камни, запирающие вход в склеп, лежат неестественно; трогают один из них, поднимают его, пытаются проникнуть вглубь при свете факела; но через три шага огонь гаснет; люди быстро поднимаются обратно, насмерть перепуганные; докладывают обо всем прокурору-синдику³⁷. Последний вызывает к себе несколько добровольцев из национальной гвардии и отправляется, с ними к склепу, который они тщательно осматривают; никаких звуков; гробовое молчание. Солдаты насмежаются над привратником; тот в пылу задора хватает штык, действует им направо и налево, продвигается в ту сторону, откуда раздавались стоны. Наконец, он замечает, что один череп шевелится. «На этот раз, — храбро говорит он своим подчиненным, — я поймал этого мошенника-призрака, бездельник не уйдет от меня».

И действительно, расчистив гроб, обнаружили Жака, лежащего во весь свой рост, с крайне глупым видом. Он вышел из своего убежища, не заставляя себя лишний раз просить; приведенный к мировому судье, Жак свалил всю вину на отца Вейссе. Он рассказал, каким образом настоятель францисканцев напоил его, чтобы он лучше сыграл свою роль. «Я сговорился с отцом Вейссе в десять часов вечера выходить из монашья гробницы, поднимая камень с помощью имевшегося у меня рычага; затем я должен был еще разбить небольшую цепь, на которую заперта монастырская дверь, и изображать из себя привидение весь остаток ночи».

Отец Вейссе получает ордер на явку в суд. Он предстает перед судьей и, ничуть не смущаясь, заявляет: «Действительно, нищий, именуемый Жаком, явился сегодня утром в монастырь, когда переливали немного оставшегося у нас вина; я видел, как он пил, и даже как смачивал хлеб в своем стакане; вот и все: я ничего ему не говорил, я вовсе не заставлял его изображать привидение».

Никто не был обманут объяснением почтенного отца-настоятеля; но решили, что он уже достаточно наказан, мировой судья ограничился тем, что сказал, отпуская его: «Ступайте, отец Вейссе; я расцениваю ваше поведение лишь как просчет; вы ошиблись относительно того, какой сейчас век; вы считали, что живете в пятнадцатом; тогда, действительно, народ верил в привидения и боялся их; но в наше время он не верит в них, ни в леших, ни в прочих. Он ожидает их со штыком на конце ружья и дает пощадку только добросовестным привидениям, которые, стыдясь и раскаиваясь, вновь становятся честными патриотами и служат родине верой и правдой; отправляйтесь, отец Вейссе, и больше не попадайтесь».

№ 132, 1792, стр.125—127

УПРАЗДНЕНИЕ ОСОБОЙ ОДЕЖДЫ СВЯЩЕННИКОВ

Как и монархи, священники причинили нам много зла, и наша цель не будет достигнута, если мы оставим им соломинку, за которую они смогут ухватиться; мы отобрали у них владения, которые они получили в пользование у наших набожных предков; мы больше не будем им поручать объявление народу новых законов, которые они зачитывали против своей воли; скоро уже не будут в их ведении самые жизненно важные акты: без них будут обходиться при рождении, при бракосочетании и при отходе в небытие; но у них оставалось еще одно средство в запасе — их особое одеяние.

Жонглер, поднимаясь на подмостки, наряжается в шутовской парик и рубище, которые помогают заметить его среди теснящейся толпы; окончив свои кривлянья, он складывает пожитки и переодевается в обычное платье.

Священник же продолжает играть свою роль и после представления; он сохранял свою маску в повседневной жизни. Подобно Каину³⁸, он вечно носил на себе знак, отличавший его от остальных людей. Человека просвещенного это не раздражало; он по крайней мере мог отвернуться, еще издали завидев жонглера; но доверчивые горожане и крестьяне подчас невольно смешивали священника с богом, которого, по его утверждению, он представляет на земле. В результате они поклонялись копий столько же, сколько оригиналу.

Духовенство других церквей, отказавшись от особой одежды, напрасно подавало в этом пример католическим священнослужителям. Наши римско-аллоброгские³⁹ священники крепко держатся за свои одеяния, особенно в эти смутные времена; их черная сутана, как сказал бывший монах г.Мюлло, была для них белой кокардой контрреволюции. Продолжая носить особую одежду как члены замкнутой корпорации, священники сохранили надежду наносить вред; среди обломков своих капищ они чувствовали свою силу; они поднимали голову и в наших департаментах, удаленных от центра просвещения, позволяли себе презирать проклятие, которому предала их нация; они заботливо и с готовностью напоминали глупцам, которые собирались вокруг их мясных лотков [Etau — так называются места, на которых мясники раскладывают говяжьи туши; этим словом обозначают также портативные лотки сапожников. См. «Коммерческий словарь» Шамбера.], о тех счастливых днях, когда при дворе считали долгом умирать в священническом облачении; да, то были хорошие времена. Еще одно предательство, говорил добрый Людовик XI, еще три убийства на законном основании! Я расквитаюсь, став священником или монахом за час перед тем, как отдать душу богу. Служители религии^{*****} остерегались говорить испускающему дух новоиспеченному монаху, что священническая одежда не в силах сделать преступника честным человеком; они вместе пользовались бенефициями и делили между собою народное достояние; к тому же священник не задаром уступал свои одеяния государям; он брал за это щедрую плату; обычной наградой было аббатство с многочисленными владениями.

Этот золотой век поповщины миновал. Но наши служители бога, вопреки декретам, запрещающим всякого рода корпорации, тем не менее объединились в корпорацию весьма заметную и многочисленную; несмотря на свои потери, корпорация эта благодаря своей одежде до сих пор еще очень сильна. Учредительное собрание указало средство против этого, возложив на законодательный корпус заботу об упразднении религиозных облачений за пределами храмов.

Итак, никаких священников вне церковной ограды! Желающие могут увидеть их лишь у подножья алтарей; но, конечно, с церквами будет то же самое, что и с театральными зрелищами; на богослужениях, совершаемых там, будет присутствовать какое-либо должностное лицо; этот человек будет докладывать коммуне, что он там видел и слышал; он предупредит нас, если то, что происходит внутри святилища, будет угрожать общественному порядку.

Мы рекомендуем прокурорам-синдикам муниципалитетов взять на себя труд сообщать народу о каждом обнаруженном злоупотреблении, а также учесть их для осуществления необходимых церковных преобразований. Граждане, — смогут они сказать народу, пока священник будет переодеваться в ризнице, — Евангелие, которое мы пришли послушать из уст нашего кюре, — вещь хорошая и прекрасная; но что потеряли бы вы, если бы услышали Евангелие от человека, который перед тем, как толковать его вам, не надел на голову черную скуфью, а на плечи кусок полотна и еще кусок шелковой ткани? У ваших братьев-квакеров⁴⁰ то же Евангелие, что и у вас, но они не соблюдают весь этот церемониал, стоящий денег; они не облачают себя в такие одеяния.

Сильвен Марешаль

СТАТЬИ из «REVOLUTIONS de PARIS» (1790-1792)

***** По крайней мере французские, ибо нашелся один уроженец Калабрии, который имел такую смелость, — Франциск Ассизский.

Когда Иисус Христос, а после него апостолы проповедовали на городских перекрестках, у подножья дерева, при входе в селенье, — разве были на них сутана, стихарь, риза, епитрахиль? Держали ли перед ними две длинные, зажженные среди бела дня свечи? Разве с песнопением произносил Христос свою прекрасную нагорную проповедь? Наш кюре говорит, что все это имеет скрытое символическое значение; но иносказания и уподобления, встречающиеся в Евангелии, доступны всему миру; Христос не сочинял никаких шарад и не задавал никаких загадок. Он сочинил всего лишь один-два каламбура и те под секретом раскрыл Петру-рыбаку. Ты — Петр, сказал он ему однажды, и на этом камне я воздвигну церковь мою. В другой раз Христос сказал тому же Петру, несомненно, в шутку: Ты был ловцом рыб, когда пошел за мною; я хочу сделать тебя ловцом человеков.

Друзья мои, скажет далее прокурор коммуны, вспомните трогательную картину Греза, гравюра с которой висит в зале нашего мэра. Там добрый отец семейства, опершись локтями на стол, объясняет Библию сгрудившимся вокруг него детям. Наденьте на седую голову старика дурацкий четырехугольный колпак, подвесьте ему кружевной нагрудник, а на запястье — лоскут с вышитым на нем крестом — и очарование этой семейной сцены разрушено, вы сделали ее смешной. Если вы согласны со мной в этом, друзья мои, попросим нашего кюре сбечь все эти церковные наряды своей будущей жене на юбки; пусть он проходит прямо к алтарю, минуя ризницу.

Но, быть может, скажут нам: если вы отнимете у священников их облачения и потребуете от них только чтения по определенным дням проповедей и Евангелия, для их труда не нужно больших знаний; каждый сможет делать то же самое, и скоро не будет нужды в священниках.

Что ответить на это, друзья мои? Вот факт, недавно имевший место в Вандейле, деревне округа Эперни, департамента Марны. После того как этот приход был упразднен, по причине своих малых размеров, жители его не подумали даже за пол-лье идти искать мессу, вечерни и проповедь. Они собрались, чтобы выбрать из своей среды кюре; жребий, или, вернее, выбор пал на Пьера Бонне, поденщика. Этот честный человек принял священничество, как это некогда практиковалось у последователей первых апостолов. В воскресенье 25 марта он вступил в должность, произнес мессу с пением, не забыл и о проповеди; он выполнил это ничуть не хуже своего предшественника, получившего степень в Сорбонне.

Нет сомнения, что Пьер Бонне захочет во всем походить на пастырей ранней церкви, которые не отказывались от физического труда и зарабатывали себе на жизнь, как и до своего избрания, не переходя на иждивение своих прихожан. Он будет одновременно кюре и поденщиком и возьмет себе жену, если еще ее не имеет; потому что кюре — это не какая-то исключительная профессия, избавляющая от того, чтобы быть работником и гражданином; к тому же она не может целиком заполнить жизнь человека.

Вот таким образом мы действительно возвращаемся к первым векам христианства. Тогда ремесленники становились епископами. Великий святой Василий был каменщиком и не бросил своей кирки, когда принял епископский посох. Добродетель почиталась всюду, где только находили ее следы. Только теперь стало преступлением, достойным порицания духовного судебного ведомства, каковое ныне имеется в Блуа, — призывать присягнувших епископов вернуться к обычаям ранней поры христианства и предлагать им отказаться от роскоши, от идолопоклонства, которые с изумлением видишь до сих пор даже у епископов новой формации. В ту пору г.Толен, викарий епископа Грегуара, чье сочинение о преобразованиях, необходимых в отношении присягнувшего духовенства, мы разбирали, — не подвергся бы никаким преследованиям в своей епархии и не испытал бы огорчения, глядя, как его преследователей одобряют и поддерживают епископские советы Тура, Реймса и Безансона. Следует отдать должное епископу-патриоту Грегуару; он, как сообщает нам г.Толен, вовсе не пожелал принять участие в этой травле; он дважды отправлялся в свой совет, писал, призывая отказаться от преследований, но его голос не был услышан.

«Дайте только волю священникам, — добавляет наш несчастный епископский викарий, — сохраните уважение к их безбрачию и к их одежде, предоставьте тем, кто считает то и другое злоупотреблением, мстить им, и будьте уверены тогда, что революция обречена».

Нет, она не будет обречена, ответим мы г.Толену. Время духовенства окончилось; оно всегда будет испытывать потребность в жертвах, а когда ему их будет недоставать, оно разорвет себя собственными зубами; но мы надеемся, что г.Толен и достойный его коллега, Ж.Ф.Нюсс, бывший кюре, мэр Шеньона, вместе с ним попавший в немилость к епископскому совету Блуа за то, что мужественно защищал в клубе этого города принципы своего друга, — будут последними, кто пострадал от ярости фанатиков. Утешьтесь, добрые пастыри, царство злобных пастырей приходит к концу. Половина ваших желаний уже исполнилась: священническое одеяние вне церкви запрещено навсегда. Разумеется, сюда относятся и процессии в так называемый праздник тела господня и другие. По смыслу декрета, служащие полиции облечены отныне властью запрещать всякий религиозный маскарад за пределами церковной ограды; ибо такая процессия для культа — то же самое, что подрясник для священника. Настоящая религия должна быть подобна истине. Настоящая религия, единственно достойная этого имени, т.е. мораль, должна быть лишена таинственных покровов и искусственных украшений. Кадило — это орудие лести; крест напоминает отвратительную казнь, недавно запрещенную нашим уголовным кодексом; пчелиный воск должен получить полезное употребление, а не сжигаться при ярком дневном свете; шелк и шитье приличествуют только женщинам. Ступайте же в ваши темные скинии и не выходите больше оттуда; по крайней мере избавьте свободных людей от позора ваших раболепных ребячеств. Служители прячущегося бога, не выходите больше на яркий дневной свет, оставайтесь в мраке и запустении церквей; мы оставим вас в покое и уединении; не среди вас будем мы искать представителей нации или выбираемых народом служащих.

Сверх того, постановлением муниципалитета запрещено носить по улицам знамена, знаки отличия, кроме тех, которые носят национальная гвардия и линейные войска. Таким образом, приходские хоругви должны быть отнесены в разряд запрещенных; мы больше не потерпим иных знамен, кроме знамен свободы: мы выражаем уверенность, что духовенство примет это к сведению и не вздумает прогуливаться в этом году по нашим улицам с изображением своих святых мучеников и мучениц. Нет сомнения также в том, что наши волонтеры не согласятся служить, как в предыдущие годы, эскортом священникам; такое карикатурное зрелище, достойное варварских времен, не внушит больше уважения к религии; восковые свечи и штыки, священники и солдаты не должны быть вместе, между ними нет ничего общего.

Пусть священники это примут к сведению; их царство — не от мира сего, как им это не раз повторяли, и господство их ограничено стенами их церквей; когда они захотят выйти из-за них, пусть оставят на паперти своего храма свои сандалии и кадильницы, свои рясы и колпаки; пусть наденут приличный гражданский наряд,— быть может, в один прекрасный день он придется им по вкусу. Когда же, наконец, устыдятся они роли шутов рода человеческого?

КРАТКАЯ НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ НАД МОГИЛОЙ ПОКОЙНОЙ СОРБОННЫ

Дряхлая, давно уже пережившая себя, пораженная недугом старческой немощи, Сорбонна, подобно дряхлой летучей мыши, очутившейся на развалинах внезапно разрушенной лачуги, изумлена, впервые увидев дневной свет... Что сказать о ней? Дрожавшая под гнетущим и бдительным надзором Гельвеция и Бюффона, Вольтера и Жан-Жака, грозная Сорбонна упразднена так же, как упразднены корпорации портных и сапожников! Что сказал бы — не Роберт де Сорбон, основавший это учреждение с одним лишь желанием создать объединение ученых-докторов, но тот самый Ришелье, который содержал Сорбонну столь щедро и завещал ей такой же деспотизм в области мысли, какой он практиковал в отношении народа и королей, дворянства и просвещенных умов?

Начертаем же на могиле Сорбонны следующую эпитафию:

*Здесь покоится Сорбонна;
Отцом ее был эгоизм,
матерью — глупость;
рожденная во мраке, где она и пребывала многие века,
и умерла от солнечного света
в святую пятницу, оставив множество наследников.*

№ 144, 1792, стр.67—73

ПРОЦЕССИИ

Когда добрый Иисус верхом на осле совершил свой торжественный въезд в Иерусалим, там был соблюден особый порядок процессии. Мы изложим его со всей точностью в качестве образца для сравнения с нашими процессиями в праздник тела господня, учрежденный в память о процессии Иисуса.

Вместо хоругви, кортеж открывали несколько женщин и детей, кричавших изо всей силы: Осанна, аллилуйя, и т.д.; большинство несло пальмовые ветви; иные устлали дорогу листьями; но никто не увешивал фасады домов праздничными полотнищами. Правитель города и служащие городского совета приказали объявить накануне, что каждый волен расхаживать по городу при условии, что он не будет мешаться прохожим; что те, кому угодно верить в фиглярство доброго Иисуса, вольны, конечно, эскортировать своего чудотворца, не требуя, однако, чтобы те, которые не признают чудес, лезли из кожи вон и совершали обряды, стремясь увидеть, как он будет проезжать мимо их лавок и домов. Еврейская национальная гвардия не становилась в этот день под ружье, чтобы маршировать в два ряда, по правую и левую сторону осла, который служил Иисусу верховой лошастью. Иисус сказал бы им: Истинно, истинно говорю вам, царство мое не от мира сего, и место ваше не здесь; оно — на ваших постах, которые вы не должны покидать, и на границах, где вы должны отражать атаки римлян, которые зарятся на вашу столицу и готовят рабство вашей родине. *Vae! Vae!* [Увы! Увы! – лат.] Горе Иерусалиму, если обитатели его снаряжают свою армию лишь для церковных празднеств! Никто не слышал, чтобы барабаны и военная музыка евреев заглушали мирную поступь длинноухого скакуна, на котором восседал добрый Иисус. Не видно было также одетых в форму волонтеров, грубо срывающих шляпы с голов прихожан, которые ненароком попались навстречу кортежу. Никто не видел, чтобы народ бил стекла в доме мясника за то, что он не счел нужным привязать к крюкам своего лотка несколько старых лоскутов. Иисус шествовал без помпы и без свиты, в сопровождении своего мнимого отца, своей матери, все еще стыдящейся того, что она зачала не от мужа, в окружении своих верных друзей — Иоанна, Петра-рыболова и Матфея, сборщика налогов; за ним следовала такая же толпа, какая шла впереди, т.е. женщины и дети. Никто не нес на своей голове балдахин носилок Пилата или Ирода. Так как въезд Иисуса происходил днем, никто не держал по бокам от него многочисленных зажженных факелов. Офицеры еврейской гвардии не маршировали перед ним с обнаженными саблями в руках. Городские судьи не присутствовали при этом въезде в шляпах, увенчанных перьями. Лишь простые люди, нищие духом и простодушные, дополняли кортеж, который прошел почти незамеченным; граждане, верные культу Моисея, занимались своими делами и открывали свои лавки, как обычно. Прошли ли в Париже оба четверга праздника тела господня так же скромно, как вербное воскресенье в Иерусалиме? Увы, нет! В предыдущем номере мы сообщили о нескольких скандальных происшествиях, которыми было отмечено празднование первого четверга; а вот и другие, имевшие место во второй четверг. Один конституционный священник, кюре прихода Сен-Сервен, решил начать с того, что бросил грязью в перевязь прокурора коммуны; но эта грязь попала на епитрахиль пастыря, который родился на два или три столетия позже, чем следовало. Новое предупреждение муниципалитета и ссылка на закон со стороны патриота-администратора не помешали нескольким вооруженным батальонам скомпрометировать участием в процессии свои приходы.

Почти все волонтеры секции Матуринов, слоено желая подшутить над мудрым Манюэлем, поспешили сделаться привратниками своих церквей. Совсем не видно было волонтеров у церкви Сен-Жермен-Л'Озерруа; очень немногие из них появились у церкви Сен-Жермен де Пре; но там было чересчур много барабанщиков. Несомненно, им было хорошо заплачено за их какофонию. В процессии приходов святого Евстахия и святого Роха было много военных мундиров. То же было и в процессии прихода святого Роха, на которой присутствовал епископ Фоше. Кажется, будто этот священник-депутат считает своей задачей ежедневно разрушать то добро, которое принесли революции его первые выступления. На многих улицах насильно снимали головные уборы с посторонних наблюдателей церемонии. На улице Лагарп позволили себе еще худшее. Женщины, несомненно подкупленные, разбили стекла в доме одного колбасника, который не вывесил ковров.

Далеко не всюду население терпело эти выходки. Гвардейцев обзывали папскими солдатами за то, что они пытались учинять насилия над гражданами, единственной религией которых является патриотизм.

Физическая сила и остроумие не всегда были на стороне священников. На улице Мазарини один мясник вместо портьеры подвесил на дверях кинжал, увенчанный красным колпаком свободы.

На той же улице один гражданин вместо ковра нацепил в середине белой простыни огромную кокарду.

Нечто еще более пикантное произошло в предместье Сен-Лоран: фанатики выразили недовольство при виде незадрапированной лавки, принадлежащей одному саперу; тот пошел за своей одеждой и развесил ее на стенах дома и рядом свой колпак, свою саблю, ружье, топор, патронташ, пику, тесак, свой кожаный фартук и даже свои усы из конского волоса и заявил: вот драпировки сапера.

Граждане-волонтеры из прихода Сен-Жак-Л'Опиталь поступили еще лучше. Они предоставили священникам самим совершать процессию и выбрали как раз день праздника тела господня для того, чтобы пойти в Романвильский лес за майским деревцем в шесть футов вышиною, которое они водрузили в честь свободы, под гром своего оркестра, без которого вынужден был обойтись в этом году бог их прихода.

Но из всех происшествий, которыми был отмечен этот день, самым замечательным и вполне в конституционном духе, бесспорно, является поведение судьи Люксембургского участка: он отправился в церковь святого Сульпиция к моменту выхода процессии и с постановлением муниципалитета в руках приказал всем солдатам национальной гвардии, которые, как он заметил, приготовились сопровождать с оружием христианскую пагоду, тотчас же снять оружие; тех, кто пытался сопротивляться, он потребовал назвать свое имя. Если бы подобному, очень простому, поведению последовали все другие судьи, это было бы действенным шагом против нелепых религиозных предрассудков.

Итак, все обычные процессии состоялись; но они имели жалкий вид. Из всех парижских спектаклей представления священников более всего бесчестят революцию. Они будут скоро вынуждены прикрыть свои балаганы и уступить место другим актерам, встречающим лучший прием у публики, которая стала более разборчивой. Им придется, подобно улиткам, укрыться в собственную раковину; и в самом деле, их игра не стоит свеч.

№ 153, 1792, стр. 492—495

ВСЕНОЩНАЯ В ПАРИЖЕ

Показывать среди бела дня на наших площадях танцующих марионеток или жонглерские фокусы — в этом нет ничего дурного; надо же развлекать детей и их нянек. Но собираться ночью в темных лачугах, чтобы распевать гимны, сжигать воск и ладан в честь незаконнорожденного сына ^{*****} и неверной жены — это позор, посягательство на добрые нравы, внушающее подозрение в пору революции и заслуживающее пристального внимания и всей строгости исправительной полиции.

^{*****} Здесь можно произвести довольно любопытное сопоставление: Моисей⁴¹, Иисус⁴², Магомет — все трое были незаконнорожденными. Разумеется, это говорится не в упрек им, и не потому порицаем мы курение фимиама, производимое еще и в наши дни на алтаре Марии и ее сына.

Этот позор, сущность которого ничуть не меняется от того, что освящаемый религией, он ежегодно, в течение почти восемнадцати столетий, повторяется в ночь с 24 на 25 декабря и до сих пор не был пресечен. Учитывая обстоятельства, муниципалитет Парижа решил, что его долг — возобновить закон, запрещающий ночные сборища, и издал постановление, касающееся так называемой рождественской ночи. Добрые души полагали, что подобная мера предосторожности совершенно бесполезна. Кто бы подумал, что в 1792 г. в Париже станут служить всенощную? Но друзья короля все обращают себе на пользу. Они распределяются по участкам. Секция Арсенала отправляет представителя в коммуну протестовать против ее постановления и восклицает: люди 10 августа⁴³ желают слушать мессу. В ответ лишь пожали плечами; никто не знал, что у дверей многих церквей собирались толпы, во главе которых можно было видеть людей, обычно не посещающих мессу,— людей, увешанных брелоками и золотыми украшениями, обыкновенных королевских прихвостней, вздыхающих по Варфоломеевской ночи для патриотов, как справедливо заметил прокурор коммуны. И действительно, в этот самый момент в приходе Сен-Жермен зазвонили в колокол, который по приказу первой из наших Медичи послужил, в подобный же час, сигналом к резне протестантов, врагов двора и тех, кто находился на подозрении у Карла IX. Подняли на ноги женщин и нескольких санкюлотов предместья Сен-Марсо. Выставили артиллерию на площади Федератов; у церкви Сен-Жака, Бушери и Сен-Жак-Л'Опиталь, святого Евстахия, Сен-Мери, Сент-Жерве муниципальные служащие подверглись оскорблениям и в их присутствии служили мессу, словно нарочно для того, чтобы их задеть и оскорбить закон.

Представители секции прав человека явились заверить коммуну, что они заставят уважать ее постановление.

Наоборот, секция Лувра потребовала его отмены в петиции, составленной неким Катремэром, уже известным своими благочестивыми глупостями. В церкви Сен-Жермен-Л'Озерруа один гражданин был принят за Манюэля. «Вот он, преступник, — кричали вокруг него с полсотни мужчин и женщин, — надо его повесить». «Граждане,— отвечал он им, — даже если бы я был Манюэль, я не заслуживал бы за это быть повешенным». Тем не менее он был избит и только бегство спасло его от худшей участи.

Были задержаны двое неизвестных, поставленных у портала церкви Сен-Северин для того, чтобы возмущать народ, особенно женщин, и подстрекнуть их сломать дверь. В церквях святого Лаврентия, Сен-Виктор, Сен-Медар, Сен-Марсель и у монастыря Англиканок мессу служили назло комиссарам округа. Большинство священников, чтобы избежать правосудия, заставило свою паству учинить над собой мнимое насилие.

Секция улицы Гравилье, более благоразумная, велела, как говорит Шометт, закрыть лавки церковников; не было никаких происшествий в секции французского Пантеона, там жив еще дух Вольтера. Задержали какого-то биржевого маклера, который, закутавшись в плащ с галунами, бегал по улицам, призывая набожные души идти к мессе; в его руке был серебряный колокольчик, данный ему, как он заявил, одним приходским викарием.

Во многих кварталах города раздавали вино и обещали угощение тем, кто не поленился пойти в церкви и потребовать там всенощной.

Благодаря разумным и сдержанным мерам наших муниципальных служащих Париж дешево отделался от этих небольших волнений, которые, быть может, приняли бы более серьезный характер в правление какого-нибудь Байи.

Но дело не должно так кончиться. Общественное спокойствие и закон были в опасности. Несколько главных преступников находятся под арестом; судам предстоит выполнить свой долг и без промедления. Очень важно, чтобы в один из этих дней против папертей церквей, являвшихся очагом фанатизма, те, кто недостойно злоупотребил легковерием народа, предстали перед ним с дощечкой, на которой будет надпись: «Мятежные священники, злоумышленники и нарушители общественного спокойствия, приговоренные к девяти годам тюремного заключения».

Было бы неплохо разделить жалование осужденных между теми бедными гражданами, благоразумное поведение которых в ночь с 24 на 25 декабря 1792 г. будет подтверждено и которые докажут, что, согласно с законом, они не присутствовали при всеобщей.

№ 181, 1792, стр.45—47

Примечания и комментарии редакторов сборника

В еженедельнике «Revolutions de Paris» Марешаль сотрудничал со дня его основания 17 июля 1789 г.; в сентябре 1790 г., после смерти главного редактора Э.Лустало, он стал фактическим руководителем газеты.

«Revolutions de Paris» были одним из наиболее популярных периодических изданий эпохи революции с невиданным по тому времени тиражом, достигавшим 200 тыс. экземпляров. Популярность газеты объясняется прежде всего тем, что она отстаивала социальные и политические требования широких слоев французской революционной демократии.

Антицерковные статьи Марешаля в «Revolutions de Paris» были продиктованы необходимостью подрвать влияние католического духовенства — оплота «старого порядка». С первых дней революционных событий подавляющее большинство церковников примкнуло к контрреволюции, организовывало и вдохновляло мятежи против революционной власти, внушало населению ненависть к преобразованиям. Марешаль, еще до 1789 г. выступивший с критикой католицизма, понимал, что разрушить старые порядки во Франции невозможно без непримиримой борьбы против церкви, освящавшей своим авторитетом феодальную монархию.

Ведя полемику как с газетами контрреволюционного лагеря, отстаивавшими позиции реакционного дворянства, так и с буржуазно-либеральной прессой, стремившейся к компромиссному решению церковного вопроса, Марешаль на первых этапах революции высказывался за полную ликвидацию привилегий церкви. В статьях этого периода он требовал отделить церковь от государства, подчинив церковные учреждения местной администрации, а также выдвигал программу беспощадной борьбы против тех церковников, которые уклонялись от выполнения декретов революционного правительства.

Марешаль, еще до революции пришедший к атеистическим взглядам, нигде в статьях в «Revolutions de Paris» их прямо не высказывает. Больше того, во многих случаях он как будто признает историческую достоверность Библии, ссылаясь на эпизоды и имена, заимствованные из Ветхого или Нового завета. Объясняется это в первую очередь тактическими соображениями. Открыто выдвигать атеистическую программу в первые годы революции, когда основная масса французов, справедливо видя в католических священниках прямых пособников феодального режима, не шла, однако, дальше антиклерикализма, означало оказаться в политической изоляции и подрвать доверие к газете. Политические партии в те годы ограничивались весьма расплывчатым деизмом и требованием отделить католическую церковь от государства. Да же якобинцы, учреждая в 1793—1794 гг. культ Верховного существа — своеобразную религию, очищенную от католической догматики, ошибочно заявляли, что «атеизм — мировоззрение аристократов». Помимо тактических соображений, следует помнить и о той аудитории, к которой обращался Марешаль. «Revolutions de Paris» были призваны прежде всего информировать жителей провинции о событиях, происходивших в столице. Газета адресовалась по преимуществу к французским крестьянам, которых надо было вырвать из-под идейного влияния приходских священников. Библия со времен средневековья являлась единственной хорошо известной французскому крестьянину книгой. Естественно, что язык священного писания был тогда самым понятным и доступным для жителя захолустных сельских местностей. К тому же Марешаль прекрасно умел с помощью самой Библии бороться с церковниками: сравнивая раннехристианскую церковь с современным ему католичеством, он наглядно показывал всю лживость и лицемерие священников, использовавших библейские изречения для защиты феодальных порядков и своих собственных сословных привилегий.

Учитывая эти обстоятельства, можно понять, почему Марешаль в статьях первых лет революции предпочитал умалчивать о своих атеистических воззрениях и часто прибегал к ссылкам на библейские предания.

Статьи Марешаля из «Revolutions de Paris», вошедшие в настоящий том, могут быть разделены на три группы:

1. Статьи «Антипатриотическое поведение епископов Франции», «Обращение к сельскому населению по поводу духовенства», «О духовенстве, каково оно есть и каким должно быть» были опубликованы в ноябре 1790 — январе 1791 г., в связи с сопротивлением священников декретам Учредительного собрания о гражданском устройстве духовенства. Стремясь преодолеть тяжелый финансовый кризис, Учредительное собрание 2 ноября 1789 г. издало декрет, объявлявший о переходе всего церковного имущества в распоряжение нации.

Серьезно подорвав этим экономическое положение церкви, новое правительство решило сломить и ее политическую самостоятельность. Декретами, изданными с июня до ноября 1790 г., Учредительное собрание осуществило церковную реформу. Католическая церковь во Франции выходила из-под влияния римского папы. Епископы и священники избирались выборщиками. Государство выплачивало жалованье священнослужителям, которые должны были присягнуть конституции. Эта реформа отдавала духовенство под государственный контроль.

При проведении этих решений в жизнь правительство натолкнулось на ожесточенное сопротивление церковников. Многие из них, особенно принадлежавшие к высшему духовенству, отказывались принести присягу; при конфискации церковных и монастырских имуществ на представителей власти совершались провокационные нападения, священники вели активную контрреволюционную пропаганду среди населения. Ответом на все это и были статьи Марешаля в «Revolutions de Paris», где он разоблачал контрреволюционные замыслы католической церкви и требовал от колебавшегося Учредительного собрания немедленных и решительных действий против непокорных служителей культа.

2. Статьи, написанные в конце 1791—начале 1792 г.: «О священниках», «Война священников», «Критика декрета против мятежных священников» и «Еще раз о священниках».

Ко времени созыва Законодательного собрания (1 октября 1791 г.) неприсягнувшие священники, уже не ограничиваясь контрреволюционной пропагандой, в ряде мест стремились развязать открытую гражданскую войну. В некоторых городах были обнаружены заговоры реакционных священников и дворян, занимавшихся подготовкой вооруженных восстаний. Вопрос о неприсягнувших священниках осенью 1791 г. приобрел особую актуальность в политической жизни Франции. В Законодательном собрании вокруг него разгорелась острая борьба. В результате двухнедельной ожесточенной полемики победу одержало левое крыло, добившееся принятия декрета (29 ноября 1791 г.), по которому неприсягнувшие священники попадали под подозрение и лишались пенсий. Несмотря на умеренный характер, декрет этот не был утвержден королем и проводился в жизнь лишь после свержения монархии.

В статьях, написанных в этот период и посвященных упомянутым дебатам в Законодательном собрании, Марешаль выступает в поддержку наиболее радикальной группировки депутатов-якобинцев. Резко критикуя отдельные статьи декрета, бывшего по существу шагом назад в сравнении с предшествующими законами о священниках, он уже осенью 1791 г. в общих чертах намечает программу постепенного уничтожения во Франции организаций католической церкви, которые, по его мнению, были центром притяжения контрреволюционных сил. В то же время он одним из первых обрушился на королевский двор, стремившийся помешать проведению церковной реформы. В этих маневрах Марешаль правильно усматривал попытку монархии обеспечить поддержку своих антинародных замыслов со стороны контрреволюционного духовенства. Его статьи, разоблачавшие истинный смысл деятельности духовенства, сыграли значительную роль в выработке программы революционно-демократического лагеря по вопросам религии и церкви.

3. Статьи лета и осени 1792 г. — «Риомские привидения», «Упразднение особой одежды священников», «Процессии», «Всенощная в Париже» — написаны в тот период революции, когда партии крупной буржуазии (фельяны, отчасти жирондисты) стали переходить на контрреволюционные позиции.

В этих условиях переметнулось в лагерь контрреволюции и конституционное духовенство, которое, наряду с неприсягнувшими священниками, стало тормозом на пути дальнейшего углубления революционных преобразований. Таким образом, левые мелкобуржуазные группировки были поставлены перед необходимостью перейти от борьбы против реакционных неприсягнувших священников к борьбе со всей организацией католической церкви. На первых порах эта задача должна была решаться путем постепенного ослабления связей между церковью и государством, что впоследствии могло привести к полному их разделению. Такова была позиция мелкобуржуазной демократии по вопросу о церкви летом и осенью 1792 г.

Целиком поддерживая эту позицию, Марешаль, однако, во многом шел дальше даже самых смелых требований руководителей якобинской партии. В статье «Упразднение особой одежды священников» он по существу выдвинул программу уничтожения церковного сословия как такового, доказывая, что для отправления религиозного культа вовсе не нужны специальные лица — священники. Вот почему он приветствует упразднение декретом от 18 августа 1792 г. Сорбонны как богословской школы, готовившей священников и бывшей центром католического мракобесия во Франции.

Вместе с тем Марешаль выступил в «Revolutions de Paris» в защиту мероприятий, направленных на ослабление связей между церковью и государством. В 1792 г. особое значение приобрел вопрос о церковных праздниках, которые до того носили во Франции чисто официальный характер и участие в которых было обязательным не только для отдельных граждан, но и для целых учреждений и даже для национальной гвардии. Но 1 июня 1792 г., за несколько дней до праздника «тела господня», Парижская коммуна специальным постановлением, сопровождавшимся циркуляром прокурора Манюэля, по существу запрещала организациям и национальной гвардии участвовать в праздничной процессии, а владельцев домов освобождала от обычного украшения зданий. Увидев в этом постановлении покушение на исконные права церкви, священники организовали в день праздника ряд провокационных выступлений, которые и разоблачал Марешаль в статье «Процессии». Статья «Всенощная в Париже» описывает аналогичные беспорядки, происходившие в конце декабря 1792 г. в связи с постановлением Парижской коммуны об отмене рождественской заутрени.

Уже в статьях 1792 г. намечается позиция Марешаля, которую он занял зимой 1793/94 г., перейдя от программы уничтожения церковного сословия к участию в движении дехристианизаторов, предлагавших отвергнуть всякую религию и заменить ее культом Разума. Однако политические обстоятельства не позволили Марешалю подробно обосновать эти его взгляды на страницах «Revolutions de Paris». Более полное отражение дехристианизаторские идеи нашли в его драматических произведениях.

Позже антиклерикальные статьи Марешаля, написанные в годы революции, были им частично собраны и изданы в 1798 г. в сборнике «Вольные мысли о священниках».

В настоящем издании статьи Марешаля из «Revolutions de Paris» печатаются на русском языке впервые и воспроизводятся по тексту газеты.

1 Сорбонна — до конца XVIII в. богословская школа в Париже; основана в 1253 г. Ныне — часть Парижского университета. Законом 22 декабря 1789 г.

2 Учредительное собрание ввело новое административное деление Франции на 83 департамента. Эта реформа имела целью уничтожение существовавших ранее барьеров между отдельными областями страны, что препятствовало свободному развитию экономики и торговли.

3 Законоучитель, явившийся вслед за Моисеем — Иисус Христос, Марешаль имеет в виду слова из Евангелия Матфея: «Не мир пришел я принести, но меч» (X, 34).

4 Под аграрным законом во время революции 1789—1794 г. подразумевалось требование равного раздела земли и имущества между всеми гражданами. Требование это выдвигали наиболее революционные круги французской демократии, не удовлетворявшиеся формальным равенством граждан перед законом. Реакционное католическое духовенство использовало угрозу аграрного закона в борьбе против буржуазного большинства Учредительного собрания, стоявшего за декрет о конфискации церковных имуществ.

Доказывая, что такой декрет является покушением на «священное право собственности», один из представителей духовенства, аббат Мори, заявил в Учредительном собрании (13 октября 1789 г.), что конфискация церковных имуществ «приведет к возмущениям во имя аграрного закона. Народ воспользуется хаосом, чтобы потребовать тех имуществ, обладание которыми с незапамятных времен не спасет их от захвата. Он будет иметь против вас (буржуазии. — С.В.) те же права, на которые вы ссылаетесь против нас».

5 Армида — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» итальянского писателя эпохи Возрождения Торквато Тассо (1544—1595). С помощью волшебной палочки она создала великолепные сады, где очарованный рыцарь Ринальдо забыл о своей миссии освобождения гроба господня.

Аарон — в преданиях Ветхого завета первосвященник евреев и сподвижник Моисея при освобождении иудейского племени из египетского рабства. Виноградная лоза — символ его жреческой власти.

6 Иеремиада — от библейского рассказа о плаче Иеремии по поводу разрушения Иерусалима; ироническое обозначение слезной жалобы, сетования

7 Толерантизм — терпимость к чужим мнениям и верованиям.

8 Речь идет об Иисусе Христе, которого Маршалль в период деятельности в «Revolutions de Paris» считал исторической личностью.

9 Мария Магдалина, которая, по евангельской легенде, вела развратную жизнь, но после встречи с Христом покаялась и прониклась верой.

10 Вселенские соборы — общецерковные съезды представителей высшего духовенства христианской церкви.

11 Имеется в виду папа Пий VI (граф Браски, 1717—1799), который активно участвовал в организации коалиции европейских держав против революционной Франции и поощрял контрреволюционные заговоры французского духовенства.

12 Ультрамонтаны — представители крайне реакционного направления в католицизме, стремившегося к утверждению приоритета духовной власти папы над светской властью.

13 Имеется в виду Талейран Шарль-Морис (1754—1838)—французский политический деятель, который до революции был епископом отёнским. В 1789 г. был избран депутатом Национального собрания, где выступил как один из инициаторов гражданского устройства духовенства, за что был отлучен от церкви.

14 Подложное постановление Национального собрания, по которому церкви во Франции объявлялись закрытыми. Установлено, вопреки заявлению Маршала, что эта фальшивка распространялась летом 1790 г. среди населения священниками с провокационными целями.

15 Ниневия — столица древнего Ассирийского царства; название употреблялось как синоним огромного города, в котором царят распущенные нравы.

16 Тюильри — королевский дворец в Париже.

17 Венсанское графство на юге Франции принадлежало римскому папе с XIII в., город Авиньон — с XIV в. С начала революции в этих местах, окруженных французской территорией, возникло бурное движение, вскоре превратившееся в настоящую гражданскую войну между папистами и сторонниками присоединения к Франции. После длительных колебаний и безрезультатных переговоров с папой Учредительное собрание декретом 14 сентября 1791 г. провозгласило присоединение этих областей. Папская партия спровоцировала кровавые события Авиньоне 16 октября 1791 г. В этот день на улицах появились плакаты с призывами к восстанию; был пущен слух, что почитаемая в Авиньоне статуя богородицы проливает слезы по поводу грозящей церкви опасности. Толпа фанатиков захватила крепостные стены и направила на город пушки. Один из вождей местной революционной партии, Лекюйе, был зверски убит. Известие об этом вызвало негодование авиньонских революционных масс, которые расправились с папистами.

18 Аргус — в греческой мифологии многоглазый великан, служивший богине Гере в качестве стража.

19 Авиньонский декрет — декрет о присоединении Авиньона (графства Венсанского) к Франции, утверждение которого долгое время откладывалось Людовиком XVI, не хотевшим вступать в конфликт с папой.

20 В ответ на постановление Учредительного собрания о гражданском устройстве духовенства контрреволюционные священники г.Нима, используя ненависть рабочих к их хозяевам, главным образом протестантам, устроили в июле 1790 г. четырехдневное кровопролитие, которое повлекло значительные жертвы. Нимские события получили широкую огласку, послужив толчком для контрреволюционных выступлений духовенства в других провинциях. Аналогичные события имели место 10 мая 1790 г. в Монтане, где на этот день была назначена опись имущества местного монастыря. Подогретая церковниками толпа напала на муниципальных чиновников и национальную гвардию. Это послужило сигналом к погрому, жертвой которого оказалось большое число протестантов.

21 Покровительница первого города государства — св.Женевьева, покровительница Парижа; церковь аббатства Сен-Дени, где она похоронена, во время революции служила местом торжественных чествований великих людей Франции.

22 Имеется в виду массовая резня гугенотов, устроенная католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. (Варфоломеевская ночь).

23 Лютеция—древнее латинское название Парижа.

24 Фиваида — центр древнего Египта (II—I тысячелетия до н.э.)

25 Проскрипционные списки — списки лиц, публично объявленных вне закона или «подозрительных»; в годы революции широко применялись в борьбе с контрреволюционными элементами.

26 Имеются в виду французский король Карл IX (1550—1574) и его мать Екатерина Медичи (1519—1589), спровоцировавшие Варфоломеевскую ночь 1572 г.; известно, что во время этой резни Карл IX с балкона Луврского дворца стрелял в гугенотов, спасавшихся от преследований толпы католиков.

27 Речь идет о примечании к работе Ж.-Ж.Руссо «Письма с горы» (1764).

28 Каноническое право — совокупность юридических норм, устанавливаемых церковью и определяющих ее организацию и полномочия. В конце XVII в. во Франции к ведению церкви была отнесена значительная часть гражданских правоотношений (брачные, семейные, некоторые имущественные дела и т.п.).

29 Декрет от 27 ноября 1790 г. запрещал неприсягнувшим священникам занимать общественные должности.

30 В первый период революции французский король имел право накладывать veto, т.е. отклонять декреты Национального собрания; без утверждения короля ни один декрет не мог войти в силу.

31 Имеется в виду обращение сестры короля Людовика XVI, Елизаветы, к брату с призывом не утверждать декрет от 29 ноября 1791 г.

33 «Journal de Paris» — ежедневная газета (основана в 1774 г.) реакционного направления, выходившая в Париже в годы революции

34 9 ноября 1791 г. Законодательное собрание приняло декрет против бежавших дворян, согласно которому эмигранты, не вернувшиеся в двухмесячный срок во Францию, должны рассматриваться как изменники родине. Несмотря на широкую поддержку этого декрета населением, король наложил на него veto, лицемерно обратившись к эмигрантам с декларацией, в которой убеждал их вернуться.

35 Бенефиции — здесь должности и связанные с ними доходы служителей католической церкви.

36 Картезианцы — члены католического монашеского ордена, созданного в XI в. В 1790 г. декретом Учредительного собрания орден во Франции был упразднен. Маршалль имеет в виду беспорядки, происходившие летом 1792 г. в Париже в связи с конфискацией помещений, принадлежавших картезианцам.

37 Прокурор-синдик — во Франции эпохи революции прокурор, ведавший делами определенной коммуны, муниципалитета или какой-либо организации.

38 Каин — согласно библейской легенде, старший сын прародителей человечества Адама и Евы, убивший своего брата Авеля и за это отмеченный богом позорным клеймом на лбу.

39 Аллоброги — кельтское племя, жившее в древности на части территории теперешней Франции.

40 Квакеры — христианская секта, возникшая в Англии в XVII в. и затем получившая особое распространение в США.

41 Культ Моисея — иудаизм, еврейская религия.

42 Имеется в виду Иисус Христос.

43 Люди 10 августа — участники народного восстания 10 августа 1792 г., которое привело к свержению монархии во Франции.

Для точного прочтения и понимания текстов Сильвена Марешала
рекомендуем ознакомиться с материалами

к теме «Великая французская революция и церковь»:

П.Виноградская. Анахарсис Клоотс http://vive-liberta.narod.ru/journal/cloots_vngrd.pdf

Я.Захер. Дехристианизаторская деятельность Фуше http://vive-liberta.narod.ru/journal/fouchet_zakher.pdf

А.Матвеева-Леман. Праздник Верховного Существа: критический очерк (дискуссия и полный текст) <http://vive-liberta.narod.ru/discuss/SE.htm>

ЦЕРКОВЬ и ГОСУДАРСТВО (декрет о присяге духовенства. Из декрета 29 ноября 1791 г. против неприсяжных священников. Из декрета Законодательного Собрания от 27 мая 1792 г. против неприсяжных священников. Декрет 16 фримера (6 декабря 1793 г.) о свободе культов) http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_relig.pdf

Ж.-М.Ролан. О контрреволюционной роли духовенства: речь в Законодательном собрании 16 апреля 1792 г. http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_roland.doc

ДЕХРИСТИАНИЗАЦИЯ в ПРОВИНЦИИ (ПО ПРОТОКОЛАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ) http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_prov_1.pdf

ЯКОБИНСКИЕ КЛУБЫ в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ (Париж, Тюлле, Лимож) http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_j-club.doc

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ (из АРХИВА ШОМЕТТА) http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_commune.doc

ДУХОВЕНСТВО и КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_contr.doc
http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_clerg.doc

Адрес Нэжона Национальному собранию http://vive-liberta.narod.ru/doc/relig_nadr.doc

С.Блуменау. Церковные реформы начала революции и французское общество (вместе с обращением Луизы де Керальо к женщинам Монтобана) http://vive-liberta.narod.ru/doc/LKR_relig.pdf

М.Домнич. К истории секуляризации церковных имуществ во Франции http://vive-liberta.narod.ru/journal/domn_clerg.pdf

О газетах и публицистах Великой французской революции – подборка статей:
http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm